

ДИАНА ГЭБЛДОН

Написано кровью
моего сердца

Книга 2
Кровь от крови моей

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Диана Гэблдон

Написано кровью моего сердца.

Книга 2. Кровь от крови моей

Серия «Чужестранка», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42707773

Диана Гэблдон «Написано кровью моего сердца». Книга 2. «Кровь от крови моей»: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-102903-6

Аннотация

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью.

Роджер Маккензи сбился с ног в поисках потерявшегося во времени сына, ведь он не знает, что мальчик не покинул настоящее и давно вернулся домой, к матери. Брианна, прекрасно понимая, что муж останется в прошлом, пока не найдет Джемми, принимает единственно верное решение: вместе с детьми проходит через камни в надежде, что сможет перенестись в тот самый год, в котором оказался Роджер, и их семья воссоединится.

Содержание

Часть пятая	4
Глава 82	4
Глава 83	15
Глава 84	31
Глава 85	44
Глава 86	48
Глава 87	72
Глава 88	82
Глава 89	94
Глава 90	127
Глава 91	135
Глава 92	139
Глава 93	146
Глава 94	160
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Диана Гэблдон
Написано кровью
моего сердца
Книга 2
Кровь от крови моей

Часть пятая
Подсчет

Глава 82
Даже те, кто хочет попасть
в рай, не желают умирать

Я медленно приходила в себя. Кружилась голова. Что там Хемингуэй говорил в «Снегах Килиманджаро» насчет того, что нужно бы потерять сознание от боли, но не получается? У меня вот получилось. Хотя он более-менее прав – мой обморок продлился всего несколько секунд, и теперь я скорчилась на земле, прижав обе руки к правому боку. Между

пальцами сочилась кровь, липкая, горячая и одновременно холодная; рана начала болеть, причем сильно...

– Саксоночка! Клэр!

Я снова пришла в себя и даже открыла один глаз. Рядом на коленях стоял Джейми. Он касался меня, но я не ощущала его прикосновений...

От крови, пота или чего-то еще защипало глаза. Кто-то рвано, тяжело дышал. Я или Джейми? Мне холодно. Почему? Ведь сегодня жарко, как в аду... Я тряслась, будто студень. Больно. Как же больно...

– Саксоночка!

Меня повернули, и я вскрикнула. Точнее, попыталась вскрикнуть. Горло напряглось, но я ничего не услышала. В ушах шумело. Шок. Я не чувствовала ни рук, ни ног, лишь то, как из меня вытекала кровь. Стало больно. Шок проходит? Или мне, наоборот, становится хуже? В бок будто молния била, вызывая жгучую боль.

– Саксоночка!

– Что? – спросила я сквозь стиснутые зубы. – Ох!

– Ты умираешь?

– Может быть.

«Прободение кишечника», – вспомнилась неприятная фраза, и я смутно понадеялась, что не произнесла ее вслух. Впрочем, даже если я смолчала, Джейми все равно увидит рану...

Кто-то пытался удержать мои руки от раны, но я лишь силь-

нее прижимала их. Однако я ослабла, и моя рука безвольно повисла, когда ее подняли. Под ногтями чернела засохшая кровь, с алых пальцев капало. Кто-то перекатил меня на спину, и я чуть снова не закричала.

Невыразимо больно. Тело немеет. Шок затягивается. Клетки распадаются на ошметки и слизь. Все кончено... функциональная недостаточность органов...

Сжали. Не могу дышать. Трясут. Ругаются. Глаза открыты, я вижу цвета, но в воздухе мельтешат пятна.

Кричат. Разговаривают.

Не могу дышать. На животе что-то тесное. Что происходит? Сколько еще?

Господи, как больно! Господи...

Джейми не мог отвести взгляда от лица Клэр, словно она умрет, если он вдруг посмотрит в сторону. Он полез в карман за платком, но вспомнил, что отдал его Биксби, и от отчаянья прижал к боку Клэр подол ее юбки. Клэр жутко вскрикнула, и Джейми чуть не разжал руки, но земля вокруг нее уже потемнела от крови, и он прижал ткань сильнее и закричал:

– Помогите! Помогите мне, Рэйчел! Дотти!

Никто не пришел. Джейми быстро огляделся, но ни Рэйчел, ни Дотти не было, лишь под деревьями громоздились тела раненых и мертвых да среди могил бегали или бродили

солдаты. Когда здесь развернулось сражение, девушки, скорее всего, убежали.

Между пальцев, щекоча, просочилась кровь Клэр, и Джейми снова закричал, надрывая пересохшее горло. Должен же хоть кто-нибудь его услышать?!

И его услышали. Зашуршал гравий под ногами бегущего к ним бледного доктора Леки. Перепрыгнув через надгробие, доктор опустился на колени рядом с Джейми.

– Подстрелили? – задыхаясь, спросил он.

Не в силах произнести ни слова, Джейми кивнул. По лицу и по спине бежал пот, но руки будто примерзли к телу Клэр: Джейми не мог убрать их. Достав из корзины Клэр корпию, Леки силой отвел руки Джейми и приложил ткань к ране.

Доктор невежливо отпихнул его локтем, Джейми на коленях отполз в сторону и, покачиваясь, встал. Он не глядел по сторонам, но понял, что вокруг собрались его солдаты. Они в смятении ходили туда-сюда, не зная, что делать. Глубоко вздохнув, Джейми ухватил за руку ближайшего солдата и послал его в церковь за доктором Хантером. Клэр нужен Денни. Если она доживет до его прихода...

– Сэр! Генерал Фрэзер!

Даже этот окрик не заставил Джейми отвести взгляд от Клэр. Кровь пропитала ее одежду, собралась в темную лужу, в которой стоял на коленях доктор Леки. Джейми глядел на ее распущенные волосы, в которых запутались травинки и кусочки листьев, на ее лицо... О боже, какое у нее сейчас

лицо...

– Сэр!

Кто-то схватил его за руку. Джейми не глядя двинул локтем, и мужчина удивленно ахнул и отпустил его.

Солдаты забормотали, объясняя вновь пришедшему, что жену генерала ранили, подстрелили, она умерла или вот-вот умрет...

– Она не умирает! – обернувшись, рявкнул Джейми. Промелькнула мысль, что он сейчас похож на сумасшедшего – на мрачных лицах солдат отразился ужас. Подошел Биксби, осторожно коснулся плеча Джейми, будто тот был готовой взорваться гранатой. Впрочем, Джейми казалось, что он и правда вот-вот взорвется...

– Могу я чем-нибудь помочь, сэр? – тихо спросил Биксби.

– Нет, – выдавил Джейми. – Я... он... – Он указал на Леки, хлопочущего над Клэр.

– Генерал, – сказал недавно подошедший солдат – паренек в мешковатом синем мундире лейтенанта и с серьезным выражением лица, – извините, но раз уж ваша жена не умирает...

– Пошел вон!

Лейтенант шагнул назад, но не отступился.

– Сэр, меня прислал генерал Ли. Нужно, чтобы вы немедленно прибыли к нему.

– Чертов Ли, – глядя на лейтенанта и сжав кулаки, грубо ответил Биксби вместо Джейми.

Лейтенант, и без того красный от жары, побагровел. Не обращая внимания на Биксби, он сказал Джейми:

– Вы *должны* поехать к нему, сэр.

Голоса... Я слышала слова – разрозненные, они вылетали из тумана, будто пули.

– ...найдите Дензила Хантера!

– Генерал...

– Нет!

– ...но вас ждут...

– Нет!

– ...приказы...

– Нет!

Еще чей-то голос, полный страха:

– ...могут расстрелять за предательство и дезертирство, сэр!

Это привлекло мое внимание, и я хорошо расслышала ответ:

– Тогда им придется расстрелять меня прямо здесь, потому что я не оставлю ее!

«Хорошо», – подумала я и, успокоившись, вновь соскользнула во вращающуюся пустоту.

– Сними мундир и жилет, парень, – отрывисто велел Джейми.

Сбитый с толку лейтенант не спешил повиноваться, но после яростного жеста Биксби сделал то, что от него потребовали. Джейми взял его за плечо, развернул и сказал:

– Стой так.

Зачерпнув горсть пропитанной кровью земли, Джейми тщательно вывел на белой спине лейтенанта: «Подаю в отставку. Д. Фрэзер». Стряхнув лишнюю грязь, Джейми, подумав, добавил сверху «Сэр» и хлопнул лейтенанта по плечу.

– Иди и покажи это генералу Ли.

Лейтенант побледнел.

– Не буду! Генерал в ужасном настроении.

Джейми пристально посмотрел на него.

– Да, сэр, – сглотнув, ответил юноша.

Он кое-как надел жилет и мундир и, не застегиваясь, побежал прочь.

Небрежно вытерев руки о штаны, Джейми опустился на колени рядом с доктором Леки. Тот кивнул ему, продолжая обеими руками прижимать корпию и юбку Клэр к ране. Руки его были по локоть в крови, по лицу струился пот, срываясь мутными каплями с подбородка.

– Саксоночка, – прошептал Джейми, опасаясь касаться ее.

Его одежда промокла от пота, но он закоченел от холода. – Ты слышишь меня, малышка?

Клэр очнулась, и сердце Джейми забилося у самого горла. Ее глаза были закрыты, она хмурилась от боли и сосредоточения. Однако она услышала его: ее золотистые глаза распахнулись и взгляд остановился на нем. Клэр молчала, с присвистом дыша сквозь стиснутые зубы. Но она видела его – Джейми был в этом уверен, – и ее взгляд не туманил болевой шок или близкая смерть. Пока еще не туманил.

Доктор Леки тоже пристально вглядывался в ее лицо. Вздохнув, он немного расслабил плечи, хотя его руки по-прежнему крепко прижимали ткань к ране.

– Не могли бы вы дать мне еще корпии или бинтов? Кажется, кровотечение понемногу останавливается.

Открытая сумка Клэр лежала чуть в стороне от Леки. Джейми вытряхнул ее содержимое на землю и отыскал пригоршню смотанных бинтов. Рука Леки с влажным чмоканьем оторвалась от окровавленной ткани и схватила чистые бинты.

– Разрежьте шнуровку, – тихо попросил доктор, – нужно снять корсет. Ей сразу станет легче дышать.

Трясушимися руками Джейми достал из ножен кинжал.

– Раз... вяжи! – хмурясь, пробормотала Клэр.

Джейми глупо улыбнулся, руки внезапно перестали дрожать. Клэр уверена, что выживет и корсет ей еще понадобится. Глубоко вздохнув, Джейми принялся за дело. Шнуровка

была кожаной и обычно влажняла от пота, но Клэр завязывала простой узел, и Джейми кончиком кинжала развязал его. Ослабив шнуровку, Джейми растянул в стороны края корсета. Клэр вздохнула, из-под корсета появилась белая ткань промокшей от пота рубашки, под которой виднелись соски. Захотелось накрыть ее чем-нибудь.

Привлеченные кровью, вокруг с жужжанием вились черные мухи. Одна села на бровь Леки, и тот тряхнул головой. Кружили они и над Джейми, но он не обращал на них внимания. Он отгонял мух от Клэр, от ее искривленного мукой бледного лица, беспомощно согнутых рук.

Взяв руку Джейми, Леки положил ее на свежую повязку.
– Прижмите вот здесь.

Сев на корточки, он размотал еще один чистый бинт. Приподняв тело застонавшей Клэр, Леки и Джейми перебинтовали ее талию.

– Все, – переведа дух, Леки с трудом поднялся на ноги. – Кровотечение почти прекратилось. Я вернусь, когда смогу. – Сглотнув, он посмотрел на Клэр и отер подбородок о рукав. – Удачи, мэ.

Не оглядываясь, он пошел к открытым дверям церкви. Джейми так разозлился, что если бы смог отойти от Клэр, догнал бы Леки и притащил назад. Этот ублюдок бросил ее! В одиночестве, беспомощную!

– Пусть дьявол сожрет твою душу, но сначала хорошенько ее посолит, тварь ты этакая! – крикнул Джейми вслед докто-

ру на гэльском. Испуганный и беспомощный, он упал на колени рядом с женой, закрыл глаза и ударил кулаком по земле.

– Ты... назвал его... тварью? – раздался шепот, от которого его глаза распахнулись сами собой.

– Саксоночка! – Он нашарил среди ее разбросанных вещей свою фляжку. – Вот, выпей воды.

– Нет. Не... сейчас. – Она с трудом приподняла руку, и Джейми замер.

– Почему?

Она посерела, вспотела и дрожала, будто осиновый лист. Господи, да ее губы от жары уже начали трескаться!

– Я не... знаю, – она несколько раз шевельнула губами, прежде чем сказать: – Не знаю... где пуля. – Дрожащая рука коснулась повязки на боку, сквозь которую уже показалась кровь. – Если кишки проды... продырявлены, вода... убьет. Быстро. Ш-шок.

Джейми медленно сел рядом с Клэр, закрыл глаза и несколько раз размеренно вздохнул. На какое-то время все вокруг – церковь, битва, крики, шум колес в дорожной колее – исчезло, остались лишь он и она. Джейми открыл глаза и взгляделся в лицо Клэр, запоминая его.

– Ладно, раз так... Я видел, как умирают от раны в живот. Так умер Балнейн. Долгая и грязная смерть, я не хочу, чтобы ты так умерла, Клэр. Не хочу!

Рука сжала фляжку с водой, сминая металл. Как напоить ее, если она может умереть от этого буквально на его глазах,

прямо... сейчас? Только не сейчас, Господи, только не сейчас!

– Я... тоже, – прошептала она после долгого молчания. Привлеченная ее слезами, подлетела муха с зеленым и блестящим, будто изумруд, брюшком, и Клэр моргнула. – Мне нужен... Денни. Быстрее...

– Он идет. – Джейми едва дышал, дрожащие руки зависли над ее телом, боясь коснуться. – Денни идет. Держись!

Тихо всхлипнув, Клэр зажмурилась и стиснула зубы – но она хотя бы слышала его. Припомнив, что она всегда советуется укрывать страдающих от болевого шока и приподнимать их ноги, Джейми снял мундир и накинул на нее, а жилет свернул и подложил ей под ноги. Смотреть на кровь, пропитавшую ее платье, было жутко, мундир хотя бы скрывал это зрелище.

Джейми даже не мог взять Клэр за руку – она прижала кулаки к боку. Положив руку на ее плечо – чтобы Клэр чувствовала, что он здесь, – Джейми закрыл глаза и принялся от всей души молиться.

Глава 83

Закат

Солнце уже почти село, когда Денни Хантер принялся подготавливать ножи к операции. В воздухе витал густой сладковатый запах хлебной водки – Денни окунал в нее инструменты и раскладывал их, влажно поблескивающие, на чистой ткани, которую юная миссис Маккен положила на буфет.

Сама миссис Маккен сейчас стояла на пороге комнаты, прижав ко рту руку и широко распахнув глаза. Джейми попытался успокоить ее улыбкой, но вместо улыбки получилось что-то другое – женщина занервничала и выбежала из комнаты.

Она и без того целый день волновалась – как и все жители деревни Фрихолд. К тому же она беременна, а ее муж сражался на стороне повстанцев. Тревога миссис Маккен возросла, когда Джейми постучался в ее дверь. До того он уже стучал в двери шести домов, но открыла ему только миссис Маккен. И в награду за гостеприимство на ее кухонном столе теперь лежала тяжелораненая женщина, истекая кровью, будто подстреленный олень.

Этот образ заставил Джейми нервничать еще сильнее – происходящее тревожило не только миссис Маккен, – и он пододвинулся и взял Клэр за руку, больше для своего спо-

койствия.

– Как ты, саксоночка?

– Ужасно, – хрипло ответила она и прикусила губу, чтобы не сказать что-нибудь еще.

– Может, глотнешь немножко? – Он потянулся за бутылкой хлебной водки, стоявшей на буфете, но Клэр покачала головой.

– Не сейчас. Непохоже, чтобы пуля задела кишки, но если я ошибаюсь, то уж лучше умру от кровопотери, чем от заражения крови или шока.

Джейми сжал ее холодную ладонь. Хотелось, чтобы Клэр сказала что-нибудь еще. Но нельзя заставлять ее говорить, ей необходимо собраться с силами. Он пытался силой воли как-нибудь передать Клэр свою жизненную энергию, при этом не сделав ей больно.

В комнату тихо вошла миссис Маккен с подсвечником. Поваяло сладковатым запахом пчелиного воска и меда, и Джейми вспомнил о Джоне Грее. Интересно, удалось ли ему добраться до англичан? Впрочем, какая разница, сейчас не до него...

Зря он не одобрял то, что Клэр делает эфир. Все бы отдал, лишь бы она в ближайшие полчаса ничего не чувствовала.

Закатное солнце омыло комнату золотистым светом, в его сиянии сочащаяся сквозь повязки кровь казалась темной.

– Сосредоточься, когда берешь острый нож, – слабым голосом посоветовала я. – Иначе можешь остаться без пальца. Так говорила моя бабушка, да и мама тоже.

Мама умерла, когда мне было пять лет. Бабушка несколькими годами позднее, правда, я не часто ее видела – дядя Лэм полжизни провел в археологических экспедициях, таская меня повсюду с собой, будто дополнительный багаж.

– Ты часто в детстве играла с острыми ножами? – поинтересовался Денни и улыбнулся, хотя его глаза не отрывались от скальпеля, который он осторожно правил на небольшом оселке. Сквозь вонь крови и смолистый аромат стропил пробивался густой запах масла.

– Постоянно, – выдохнула я и как можно осторожней изменила положение тела. Спине стало легче, но от боли я прикусила губу, чтобы не застонать во весь голос. От моего тихого стона у Джейми побелели пальцы – он стоял у окна, вцепившись в подоконник, и смотрел на улицу.

Закатное солнце обрисовало его широкие плечи, и перед моим внутренним взором предстало на удивление яркое воспоминание. Точнее, воспоминания – один образ наложился на другой: я видела Джейми, оцепеневшего от страха и горя, наклонившуюся к нему тонкую темную фигуру Мальвы Кристи – и помнила смутную обиду и вместе с тем охватив-

шее меня невероятное ощущение покоя, когда я покидала свое тело на крыльях лихорадки.

Я тут же отбросила воспоминания, побоявшись даже думать о том манящем ощущении покоя. Страх меня приободрил – значит, я не так уж близка к смерти, раз не нахожу ее привлекательной.

– Скорее всего, пуля прошла через печень, – стиснув зубы, сказала я Денни. – Слишком много крови...

– Скорее всего, так и есть, – согласился он, осторожно касаясь моего бока, и пояснил для Джейми: – В печени очень много кровеносных сосудов, и они близко расположены друг к другу.

Джейми даже не повернулся от окна, лишь втянул голову в плечи, будто прячась от очередных пугающих пояснений, которые могли последовать.

– Но это даже хорошо, что пуля попала именно в печень, – жизнерадостно заметил Денни, – ведь печень, не в пример другим органам, может самовосстанавливаться – по крайней мере, так сказала твоя жена.

Джейми испуганно глянул на меня и снова уставился в окно. Я дышала поверхностно, пытаюсь не обращать внимания на боль и не думать о том, что сейчас будет делать Денни.

Моей самодисциплины хватило на три секунды. Если повезет, операция пройдет легко и быстро. Сначала Денни расширит входное отверстие пули, чтобы проследить ее путь, и попробует нащупать пулю зондом. Потом он быстро – я

очень на это надеялась – введет в рану подходящие хирургические щипцы. У него их три, и все разной длины. Есть еще щипцы для удаления зубов – они подходят для захвата круглых предметов, но их кончики больше, чем у остальных щипцов, так что крови тоже будет больше.

Если же все пройдет не так легко и быстро, то через полчаса я, скорее всего, умру. Денни сказал Джейми правду – печень очень хорошо снабжается кровью: этакая здоровенная губка из крошечных кровеносных сосудов, соединяющихся с более крупными, например, с воротной веной. Поэтому моя рана, в общем-то, небольшая, так сильно кровоточит. Однако ни один из крупных сосудов не задет – иначе бы я уже через несколько минут после ранения умерла от кровопотери.

Из-за боли я старалась дышать поверхностно и вместе с тем жаждала вздохнуть всей грудью – потеряв много крови, я нуждалась в кислороде.

Вспомнилась Салли – девушка-солдат, которой я отрезала руку, – и я ухватилась за эту спасительную мысль. Она выжила после ампутации, хотя и кричала сквозь кожаный кляп. А ее спутник Габриэль... да, точно, его звали Габриэль – вытирашил глаза, будто испуганная лошадь, и пытался удержать ее и одновременно сам не упасть в обморок. Салли потеряла сознание, к счастью, уже в самом конце – так что выкуси, Хемингуэй, – и я оставила их обоих на попечение Рэйчел.

– Денни, а где Рэйчел?

Кажется, я мельком видела ее во дворе церкви после то-

го, как меня подстрелили, но мало ли что могло мне померещиться в круговерти черных и белых пятен перед глазами.

Рука Денни на миг замерла. Инструмент для прижигания завис над стоящей на буфете маленькой жаровней.

– Полагаю, она ищет Йена, – тихо сказал Денни и осторожно погрузил инструмент в огонь. – Клэр, ты готова?

Йен! О боже, он не вернулся...

– Как никогда готова, – нехотя произнесла я, представляя смрад паленой плоти. Моей плоти.

Если пуля засела около крупного сосуда, манипуляции Денни могут повредить его и спровоцировать внутреннее кровоизлияние. Прижигание может вызвать шок и убить меня. Даже если я выживу после операции, меня может погубить занесенная инфекция. Да уж, утешительная мысль... Но в последнем случае мне хватит времени написать коротенькую записку Брианне – и, быть может, предупредить Джейми, чтобы тщательней выбирал следующую жену...

– Подожди, – сказал Джейми тихим, но решительным голосом.

Денни замер. Я закрыла глаза, осторожно положила руку на повязку и попыталась представить, где эта чертова пуля. В печени или прошла через нее? Болит вся правая половина живота, и понять, где именно гнездится боль, невозможно.

– В чем дело, Джейми? – нетерпеливо спросил Денни.

– Твоя невеста идет сюда в сопровождении отряда солдат.

– Думаешь, ее арестовали? – спокойно спросил Денни. Но

его рука, держащая льняную салфетку, задрожала.

– Вряд ли. Она улыбается кому-то из них.

Денни снял очки и тщательно протер их.

– Доротея носит фамилию Грей, – заметил он. – Любой из них даже у виселицы обменяется остроумными замечаниями с палачом – а потом изящно накинет себе на шею петлю.

Точно подмечено. Я засмеялась, но тут же ахнула от стрельнувшей в бок боли. Джейми пристально посмотрел на меня, но я махнула ему рукой, и он пошел открывать дверь.

Вошла Доротея, помахала на прощание своему эскорту, и Денни облегченно вздохнул и надел очки.

– Замечательно, я надеялась, что вы еще не начали, – сказала Дотти и поцеловала Денни. – Я кое-что принесла. Миссис Фрэзер... Клэр, как вы себя чувствуете?.. То есть, как ты себя чувствуешь?

Она поставила на пол большую корзину, подошла к столу и взяла меня за руку. Ее огромные голубые глаза смотрели сочувственно.

– Мне немного полегчало, – проговорила я, стараясь не стиснуть зубы от боли. К тому же я промокла от пота и меня тошнило.

– Генерала Лафайета весьма обеспокоило известие о твоём ранении. Он заставил своих адъютантов молиться за твоё здоровье.

– Весьма любезно с его стороны. – Я и в самом деле так думала. Надеюсь, генерал не прислал замысловатое привет-

ствие, на которое мне придется придумывать ответ – не хочу оставлять незавершенных дел перед операцией, и неважно, какие это дела.

– Вот что он прислал, – сообщила Доротея, с довольным видом вынимая из корзины приземистую бутылку зеленого стекла. – Денни, тебе она понадобится в первую очередь.

– Что... – Денни потянулся за бутылкой, но Доротея вынула пробку, и в воздухе разлился сладковатый запах микстуры от кашля с привкусом вишни и отчетливым ароматом трав, похожих на камфору и шалфей.

– Опиум. Благослови тебя Господь, Дотти! – сказал Джейми.

Его лицо выразило облегчение, и я лишь сейчас осознала, как он боится за меня.

– Мне пришло на ум, что у друга Жильбера может оказаться что-нибудь полезное, – скромно поведала Дотти. – Все мои знакомые французы тщательно заботятся о своем здоровье и имеют немало укрепляющих средств, пастилок и клистиров. Я пошла и спросила его.

Прежде чем я успела поблагодарить Дотти, Джейми осторожно приподнял меня и поднес к моим губам бутылку.

– Постой, – я прикрыла ладонью горлышко бутылки. – Я не знаю крепость этого состава. Не хочется, знаешь ли, умереть от передозировки опиума.

Я с трудом это выговорила: хотелось немедленно опустошить бутылку – вдруг она уймет чудовищную боль. Тот поло-

умный спартаец, позволивший лисе грызть свои внутренности, и близко не испытал подобного. Но если уж на то пошло, я не хочу умирать ни от пули, ни от лихорадки, ни от врачебной ошибки.

Я выпила две ложки опиума и легла – через полчаса станет ясно, подействовало лекарство или нет. Миссис Маккен, у которой Дотти выпросила ложку, с затаенным ужасом смотрела на меня от двери.

– Маркиз прислал еще разные деликатесы для твоего выздоровления, – бодро заявила Дотти и принялась вынимать их из корзины, перечисляя: – Куропатки в желе, грибной паштет, жутко пахнущий сыр и...

Меня затошнило, и я резко села. Тревожно вскрикнув, Джейми схватил меня за плечи. Вовремя – я чуть не упала на пол. Однако все мое внимание было приковано к корзине Дотти.

– Рокфор, – сказала я. – Это ведь рокфор? Сероватый, с зелеными и голубыми прожилками?

– Ну, даже не знаю... – ответила удивленная моей прытью Дотти. Она осторожно вынула завернутый в ткань сыр и поднесла ко мне. Вдохнув источаемый им аромат, я удовлетворенно расслабилась и медленно легла.

– Хорошо, – выдохнула я. – Дензил, когда закончишь операцию... наложи на рану сыр.

Казалось бы привычный к моим поступкам Денни удивленно распахнул рот. Посмотрел на меня, перевел взгляд на

сыр. Денни явно решил, что лихорадка невероятно быстро помутила мой рассудок.

– Пенициллин, – сглотнув и махнув в сторону сыра, пояснила я. Во рту все еще было липко от опиума. – Плесень на этом сыре из рода пеницилл. Наковыряй ее из прожилок.

Денни закрыл рот и решительно кивнул.

– Хорошо. Но нужно поторопиться – солнце заходит.

Да, солнце уже заходило, и воцарившееся в комнате нетерпение, казалось, можно было потрогать. Миссис Маккен принесла еще свечей, и Денни заверил меня, что их хватит для этой несложной операции.

Надо выпить еще опиума. Я ощущала приятное покачивание – лекарство начало действовать: боль определенно притупилась.

– Дай мне еще немного опиума, – сказала я чужим голосом. Глубоко вздохнув, я устроилась удобней и с отвращением посмотрела на лежащий рядом кожаный кляп. Кто-то – может, доктор Леки – разрезал на боку мою рубашку. Я раздвинула края разреза и протянула руку к Джейми.

На потолке между стропилами сгущались тени. Огонь в очаге почти угас, но еще бросал по сторонам красные отблески. Видеть в наркотическом опьянении игру света и тени на потолке слишком сильно напоминало о том дне, когда я чуть не умерла от бактериального отравления, и я закрыла глаза.

Джейми держал меня за левую руку, лежащую на груди, а свободной ладонью нежно гладил мои волосы, убирая влаж-

ные пряди от лица.

– Тебе лучше, *a nighean?* – прошептал он.

Я кивнула – или решила, что кивнула. Миссис Маккен что-то тихо спросила у Дотти, получила ответ и вышла. Было все еще больно, но боль будто отдалилась, став похожей на маленький мерцающий огонек, на который можно не обращать внимания. Я услышала глухой стук собственного сердца и увидела... не то чтобы галлюцинации – скорее, разрозненные образы. Чудились лица незнакомцев. Одни смотрели на меня, другие не обращали внимания; они улыбались, морщились и гримасничали, но ничего не могли мне сделать.

– Выпей еще, саксоночка, – шепнул Джейми.

Приподняв мою голову, он поднес к моим губам ложку лекарства со вкусом вишни и горьковатой ноткой опиума. Я проглотила его и легла. Увижу ли я снова свою мать, если умру? Мне вдруг сильно захотелось увидеть ее.

Я попыталась представить ее лицо, вызвать его из мелькающих лиц незнакомцев, но внезапно мысли утратили четкость и я начала уплывать в темноту.

– Не покидай меня, Клэр, – раздался у моего уха шепот Джейми. – Прошу тебя, не уходи от меня, пожалуйста.

Я ощущала его тепло, видела сияние его дыхания на моей щеке, хотя мои глаза были закрыты.

– Не покину, – сказала я – или решила, что сказала, – и уснула, напоследок подумав, что забыла посоветовать ему не жениться на дуре.

Небо за окном было бледно-лиловым, на коже Клэр лежали золотистые отблески заката. Пламя шести свечей ровно горело в спертom воздухе комнаты.

Джейми стоял у головы Клэр, положив руку на ее плечо, будто это могло ее ободрить. Лишь это ощущение живого тела под ладонью удерживало его на ногах.

Денни прикрыл низ лица платком, став похожим на разбойника в маске. Мускулы на его обнаженной руке напряглись, он удовлетворенно вздохнул и потянул инструмент из тела Клэр. Из раны пошла кровь, и Джейми напрягся, готовый прыгнуть, словно кот, и прижать к ране компресс, но кровь иссякла до тонкого ручейка. А потом и вовсе остановилась – из раны показались кончики щипцов, между которыми было зажато что-то темное.

Денни опустил пулю на ладонь, посмотрел на нее и раздраженно фыркнул – очки запотели. Джейми снял их, быстро протер полую рубахи и надел обратно на нос хирурга.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Денни и снова посмотрел на пулю. Осторожно перевернул ее и облегченно вздохнул: – Целая, слава богу.

– *Deo gratias*, – горячо подхватил Джейми и протянул руку. – Дай посмотреть?

Денни удивленно поднял брови, но уронил пулю в ладонь

Джейми. Она нагрелась в теле Клэр и была теплой. Теплее, чем воздух или вспотевшее тело самого Джейми, и он сжал руку, пряча пулю в кулаке. Глянул на грудь Клэр – она поднималась и опускалась, хотя и настораживающе медленно. Почти так же медленно он раскрыл ладонь.

– Что ты там ищешь? – спросил Денни, стерилизуя щипцы.

– Отметки. Царапины, крест – любые повреждения. – Джейми осторожно покатал пулю между пальцами, расслабился и снова с благодарностью шепнул: – *Deo gratias*.

– Повреждения? – Денни нахмурился. – Хочешь сказать, пуля могла развалиться на части?

– Да, или кое-что похуже: иногда в отметки втирают что-нибудь – яд, например, или... или дерьмо. На случай, если рана от самой пули окажется не смертельной, понимаешь?

Даже повязанный на лицо платок не мог скрыть потрясение Хантера.

– Если ты хочешь убить, значит, желаешь человеку вреда, – сухо пояснил Джейми.

– Да, но... – Хантер опустил взгляд и положил щипцы на полотенце так осторожно, будто они фарфоровые, а не металлические. Дыхание колебало платок на его лице. – Но убить в бою, когда от этого зависит твоя собственная жизнь, – это одно, а хладнокровно решить, что твой враг должен умереть мучительной смертью...

Денни осторожно сдвинул края раны, и Клэр жутко засто-

нала и дернулась. Джейми схватил ее за плечи, удерживая на месте. Денни взял щипцы.

– Ты бы не стал так делать, – уверенно сказал он, сосредоточив внимание на ране. Другой рукой он держал наготове чистую ткань, чтобы промакивать сочащуюся кровь.

Джейми ощущал каждую каплю крови Клэр так, будто она вытекала из его собственных вен. Его знобило. Сколько она может потерять крови и не умереть при этом?

– Нет, это подло, – машинально ответил он. Клэр обмякла, ее пальцы расслабились. Джейми посмотрел на ее лицо, на горло, ища видимые признаки пульса. Однако смог ощутить его, лишь приложив палец к запястью Клэр. Да и то не смог понять, ее это пульс или его.

Денни шумно дышал, и, когда он вдруг затаил дыхание, Джейми вскинул на него взгляд. Денни сосредоточенно вынимал щипцы из раны – на сей раз в них было зажато что-то непонятное. Он уронил это на полотенце, потыкал, пытаюсь развернуть. По полотенцу расплылось красное пятно, а на непонятном нечто Джейми увидел нитки. Это оказался клочок ткани.

– Что скажешь? – Денни, нахмурившись, посмотрел на ткань. – Это от ее платья, лифа или корсета? Потому что, судя по дырке в ее корсете...

Джейми судорожно достал из споррана шелковую сумочку, вынул из нее очки для чтения и надел их.

– Здесь по меньшей мере два разных кусочка, – заявил

он, взволнованно изучив ткань. – Один от корсета, а второй светлее, видишь? – Он взял щуп и осторожно разделил ку-сочки. – Думаю, второй от ее платья.

Денни посмотрел на пол, где лежала окровавленная одеж-да Клэр, и Джейми понятливо взял оттуда платье и расте-лил на столе.

– Отверстие ровное, – изучив платье, сказал Денни. – Но, может быть... – Он взял щипцы, повернулся к Клэр и запу-стил их в рану, на этот раз глубже.

Джейми стиснул зубы, чтобы не закричать протестующе. Вспомнились слова Клэр: «Печень пронизана кровеносны-ми сосудами... Существует риск внутреннего кровоизлия-ния...»

– Я знаю, – пробормотал Денни, не поднимая глаз. Пла-ток прилип к вспотевшему лицу, очертив нос и губы, и было видно, как Денни говорит: – Я буду... осторожен.

– Знаю, – шепнул Джейми так тихо, что вряд ли Хантер услышал его.

«Пожалуйста, пожалуйста, Пресвятая Мария, спаси ее... спасиее, спасиее, спасиее...» – слова полились сплошным потоком, Джейми перестал понимать их смысл, осталась лишь отчаянная мольба.

Красное пятно на ткани под телом Клэр угрожающе раз-рослось, Хантер вынул инструмент из раны и со вздохом опу-стил плечи.

– Думаю... надеюсь, там больше ничего нет.

– Хорошо. Я... что ты будешь делать дальше?

Денни слабо улыбнулся, оливково-карие глаза над платком смотрели мягко и уверенно.

– Прижгу рану, перевяжу и буду молиться.

Глава 84

Ночь

Уже стемнело, когда лорд Джон Грей в сопровождении эскорта и раненого индейца, хромя, вошел в лагерь Клинтона.

Атмосфера в лагере царила соответствующая: смесь волнения с усталостью, последнее преобладало. Ни попоек, ни музыки. Впрочем, люди у костров и полевой кухни ели и негромко обсуждали недавнее сражение. Праздничного настроения не было – лишь раздражение да недовольное недоумение. Сквозь запахи пыли, мулов и людского пота пробивался аромат жареной баранины, и рот Грея неудержимо наполнился слюной. Пришлось даже сглотнуть ее, прежде чем ответить на заботливый вопрос капитана Андре о том, чего хочет Грей.

– Мне нужно повидать брата, – ответил Грей. – Генерала Клинтона и милорда Корнуоллиса я навещу позднее. Когда помоюсь и переоденусь, – добавил он, снимая жуткий черный мундир – как он надеялся, в последний раз.

Андре понимающе кивнул и забрал это кошмарное одеяние.

– Разумеется, лорд Джон. А... хм?.. – он слабо кивнул в сторону Йена Мюррея, на которого смотрели – если не сказать, глазели – все проходившие мимо солдаты.

– А. Он тоже идет со мной.

Грей шел за Андре мимо ровных островков палаток, слушая звяканье разнообразных предметов экипировки. От этой армейской рутины на него снисходил покой. Мюррей молча шел за ним. О чем он думает, Грей не знал, да его это и не заботило – он и сам еще слишком слаб.

Мюррей вдруг остановился, и Грей машинально обернулся. Мюррей смотрел на костер, у которого сидели несколько индейцев. Его друзья? Нет – Мюррей в три больших шага настиг одного из индейцев, схватил его сзади за шею, а другой рукой ударил в бок с такой силой, что у индейца звучно вышибло из груди воздух. Потом он швырнул индейца на землю, придавил коленями и схватил за горло. Остальные индейцы отошли и принялись выкрикивать то ли одобрения, то ли насмешки.

Грей стоял и смотрел, пошатываясь и не в силах ни вмешаться, ни отвести взгляд. Мюррей отказался от помощи армейского хирурга, обломок стрелы по-прежнему торчал из его плеча, и когда он принялся яростно и методично бить индейца по лицу, из раны пошла кровь.

У индейца была выбрита голова, а уши украшали длинные серьги из ракушек – Мюррей содрал одну и сунул в рот противнику. Невзирая на то что его застали врасплох, индеец отважно пытался сопротивляться и дать сдачи.

– Думаете, они знакомы? – спросил Андре – заслышав шум драки, он вернулся и теперь стоял рядом с Греем и с интересом наблюдал за избиением.

– Возможно, – равнодушно отозвался Грей.

Остальные индейцы не спешили вступаться за товарища, напротив, некоторые из них делали ставки на исход драки. Они явно выпили, однако напились не больше, чем остальные солдаты в это время суток.

Противники извивались на земле, сражаясь за большой нож, который был у индейца. На шум драки потянулись люди, встали за спинами Грея и Андре, принялись строить предположения, делать ставки и выкрикивать советы.

Невзирая на усталость, Грей забеспокоился. И не только за самого Мюррея. Не хотелось бы при случайной встрече сообщать Джейми о смерти племянника, приключившейся, когда тот находился фактически под опекой Грея. Но он не знал, что предпринять прямо сейчас, и потому просто стоял и наблюдал.

Как и большинство драк, эта продлилась недолго. Мюррей завладел ножом при помощи грубого, но эффективного приема – отогнув и сломав палец противника.

Мюррей приставил к горлу индейца нож, и Грей с запозданием понял, что он собирается его убить. То же самое пришло на ум и остальным – все ахнули, когда Мюррей провел ножом по горлу индейца.

– Я возвращаю тебе твою жизнь! – с натугой произнес Мюррей в воцарившейся тишине и поднялся. Он стоял, покачиваясь и бессмысленно таращась перед собой, будто мертвецки пьяный, а потом отшвырнул нож, и с той стороны

раздалась ругань и проклятья.

Во всеобщем переполохе только Грей и Андре расслышали ответ индейца – он медленно сел, дрожащими руками прижал подол рубахи к неглубокому порезу на шее и сказал почти равнодушно:

– Ты пожалеешь об этом, могавак.

Мюррей дышал, как загнанная лошадь, ребра ходили ходуном. На блестящей от пота груди виднелись красные и черные потеки – почти вся краска смылась с его лица, осталась лишь темная полоса вдоль скул... и белое пятно на плече, как раз над обломком стрелы. Мюррей кивнул сам себе, неспешно подошел к костру, подобрал лежавший на земле томагавк и обеими руками обрушил его на череп индейца.

У Грея кровь застыла в жилах, а остальные умолкли. Мюррей постоял, тяжело дыша, и ушел.

– Он прав. Я бы потом пожалел, – спокойно сказал он, проходя мимо Грея. И растворился в ночи.

Андре посмотрел на Грея, но тот покачал головой. Армия не обращает внимания на то, что происходит среди индейцев-разведчиков, пока это не затрагивает солдат. А тот, кто сейчас ушел, не относится ни к первым, ни ко вторым.

– Милорд, это был ваш... пленник? – кашлянув, спросил Андре.

– Нет. Родственник... э-э... жены.

– Вот как.

Бой окончился уже после того, как стемнело. Уильям узнал об этом от принесшего ему ужин солдата, к тому же он услышал оживление в лагере: вернувшиеся солдаты принялись разоружаться и искать еду. Ни грана привычной расслабленности, что нисходила на лагерь после заката, – все, и в том числе Уильям, были возбуждены и беспокойны.

Болела голова, чесались швы – кто-то зашил ему раны, пока он был без сознания. Дядя Хэл не возвращался, а солдат сказал лишь, что американцев не победили, но зато все три части армии Клинтон успели отойти, пусть и со значительными потерями.

Откровенно говоря, Уильяму больше не хотелось никаких новостей. Ему еще придется расплачиваться за то, что он проигнорировал приказ сэра Генри – разве что сэр Генри будет слишком занят и не обратит на это внимания...

Заслышав шаги, он сел. Беспокойство тут же улеглось, когда, откинув полог, на пороге палатки возник его отец... Точнее, лорд Джон. Он казался удивительно маленьким, даже хрупким. Хромая, он медленно вошел в круг света, и Уильям увидел повязку на его голове, левую руку в самодельной перевязи... и стертые до крови ноги.

– Ты...

– Я в порядке, – перебил Уильяма лорд Джон и слабо

улыбнулся, хотя лицо его было бледным и изможденным. – Все хорошо, Уилли. Ты жив, и все хорошо.

Отец покачивался, вытянув вперед руку, чтобы удержать равновесие. Не найдя, за что схватиться, он опустил руку и выпрямился. Голос его был хриплым, но покрасневший глаз смотрел... с нежностью. Уильям сглотнул.

– Если нам есть что сказать друг другу, Уилли – а это так, – давай подождем до завтра. Пожалуйста. Я... – Не договорив, он слабо махнул рукой.

В горле у Уильяма стоял ком. Он кивнул и обеими руками вцепился в матрас. Отец тоже кивнул, глубоко вздохнул и повернулся к выходу. Там стоял дядя Хэл, хмуро и взволнованно глядевший на брата.

У Уильяма екнуло сердце.

– Папа!

Отец резко остановился и посмотрел на него через плечо.

– Я рад, что ты не умер! – выпалил Уильям.

На уставшем лице отца расцвела улыбка.

– Я тоже этому рад.

Йен шел прочь от лагеря англичан, не оглядываясь. Вокруг медленно дышала ночь. Он словно оказался заперт в огромном сердце, чьи толстые стенки то сдавливали его, не давая вздохнуть, то расходились в стороны, оставляя его по-

что невесомым.

Лорд Джон предложил, чтобы рану Йена осмотрел армейский хирург, однако Йен не мог остаться. Он должен найти Рэйчел и дядю Джейми. От лошади он тоже отказался, боясь, что не удержится в седле. Уж лучше пешком.

Он шел вполне уверенно, хотя и признавал, что чувствует себя не очень хорошо. Руки еще дрожали после нанесенного смертельного удара. Он зародился внутри и до сих пор эхом отдавался в теле, будто не имея возможности выйти. Ладно, вскоре это пройдет – Йен не в первый раз убивает, правда, последний раз это случилось давно, а подобной ярости он не испытывал и того дольше.

Кого же он убил перед этим индейцем? Память молчала. Йен слышал, видел и осязал, но эти чувства не вполне увязывались с тем, что он испытывал. Войска до сих пор возвращались в лагерь. Видимо, с наступлением темноты битва прекратилась, и солдаты шли домой. Они так шумели! Жестяные кружки и фляжки бились о патронташи, их звон долго еще стоял в ушах Йена, а далекие лагерные костры мешались с выющимися вокруг светлячками.

Шотландский надсмотрщик. В Саратогге. Его лицо внезапно всплыло в памяти, а тело вспомнило ощущение от удара. Яростный тычок ножом под ребра, прямо в почку. Когда жизнь мужчины замерла, а потом оборвалась, в теле Йена возникло странное всеобъемлющее напряжение.

Чувствуют ли что-то подобное мясники, убивая живот-

ных? Йен испытывал эхо подобных ощущений, когда перерезал горло оленю – и не чувствовал ничего, сворачивая шею курице или разбивая череп кунице.

– Или ты просто привык к этому, – сказал он вслух и сам себе возразил: – Лучше бы не привыкал. Это плохо для твоей души, *a bhalaich*.

– Плохо. Но это происходит, когда убиваешь руками, так ведь? А вот при убийстве из ружья или лука такого нет, правда?

– Ну, не знаю, не знаю. Иногда я задумываюсь – а есть ли для убитого тобой та же разница, что и для тебя?

Ноги запутались в высокой траве. Похоже, он сошел с дороги. Была полночь, слабо светили звезды.

– Разница? – пробормотал Йен, озираясь в поисках дороги. – Какая ему разница? Он в любом случае умрет.

– Так и есть. Хотя я считаю, что убийство руками все равно хуже. Когда стреляют из оружия – это как удар молнии, понимаешь? Но убийство руками – это слишком личное.

Какое-то время Йен шел молча, мысли сновали в голове, будто пиявки в банке.

– Ладно, – сказал он наконец и лишь тогда осознал, что говорит вслух. – То было личным.

От ходьбы дрожь в теле улеглась. Дыхание ночи сжалось до раны в плече, боль пульсировала в такт с его сердцем.

Вспомнилась белая голубка Рэйчел, которая мирно покоилась на плече над раной, и разум Йена очистился. Он уви-

дел мысленным взором лицо Рэйчел, услышал сверчков. Каноида в ушах смолкла, и ночь медленно наполнилась покоем. А если его отец захочет сказать еще что-нибудь насчет убийства, Йен лучше промолчит.

Стиснув зубы, Джон Грей осторожно опустил раненые ноги в чан. К его удивлению, невзирая на стертую кожу и лопнувшие волдыри, ощущения оказались не такими уж неприятными.

– Странно, это ведь горячая вода? – Он наклонился, чтобы посмотреть.

– Оливковое масло, – сказал Хэл, и его измученное лицо расслабилось. – И оно должно быть теплым, а не горячим, иначе мой денщик на рассвете будет распят.

– Уверен, он уже зубами стучит от страха. Да, кстати, спасибо, – осторожно шевеля ногами, поблагодарил Грей.

Он сидел на кровати брата, а Хэл устроился на сундуке и лил что-то из фляжки в поцарапанные оловянные чашки, которые сопровождали его во всех походах.

– Пожалуйста. – Хэл передал ему чашку. – Что, черт побери,стряслось с твоим глазом? А рука? Она сломана? Я послал за хирургом, но он может прийти не сразу. – Хэл взмахнул рукой, подразумевая, что в связи с недавней битвой полно раненых и тех, кто получил тепловой удар.

– Мне не нужен хирург. Я поначалу решил, что рука сломана, но теперь почти уверен, что это просто сильный ушиб. А глаз... это Джейми Фрэзер постарался.

– Правда? – удивился Хэл и нагнулся, чтобы посмотреть на глаз брата.

Повязку Грей уже снял, и глаз, по его ощущениям, шел на поправку. Слезы больше не текли постоянно, отек почти спал, и Грей пусть с осторожностью, но уже мог двигать глазом. Впрочем, судя по выражению лица Хэла, краснота и синяк еще не до конца сошли.

– Сначала Джейми, потом его жена. – Грей осторожно коснулся глаза. – Он ударил меня, а она ценой жутких мученийправила мне глаз и обмазала медом.

– Меня это ничуть не удивляет, я уже ознакомился с представлениями леди насчет лечения. – Хэл, салютуя, приподнял чашку, Грей сделал то же самое, и они выпили. В чашке оказался сидр, напомнивший Грею о яблочном бренди и полковнике Ватсоне Смите. Оба воспоминания казались смутными и далекими, будто это приключилось с ним несколько лет, а не дней, назад.

– Миссис Фрэзер лечила тебя? – Грей усмехнулся. – А тебе она что сделала?

– Ну... откровенно говоря, спасла жизнь. – В тусклом свете фонаря было плохо видно, но Хэл, кажется, слегка покраснел.

– Вот как. Что ж, значит, я ей дважды обязан. – Грей с тор-

жественным видом поднял чашку и осушил ее. После жаркого дня да на голодный желудок сидр пошел просто замечательно. Протянув чашку Хэлу, чтобы тот ее наполнил, Грей поинтересовался: – Как ты попал в ее когти?

– Тебя искал. Будь ты там, где должен...

– По-твоему, я должен был сидеть и ждать, пока ты вернешься и втянешь меня во что-нибудь? А ты знаешь, что из-за тебя меня чуть не повесили? Кроме того, меня в то время похитил Джеймс Фрэзер.

Подняв бровь, Хэл наполнил чашку.

– Да, ты говорил, что он тебя ударил. За что?

Грей потер переносицу. Голова болела весь день, и он успел привыкнуть к этому, но расспросы Хэла усугубляли боль.

– Пока не могу рассказать. Не подсказешь, куда можно прилечь? Такое ощущение, что я вот-вот умру. А если вдруг не умру, то завтра мне еще рассказывать Уилли о... ладно, неважно. – Он допил сидр, поставил чашку и с неохотой приготовился вынуть ноги из масла.

– Я знаю насчет Уильяма.

Грей замер и недоверчиво посмотрел на брата. Тот пожал плечами.

– Я видел Фрэзера. В Филадельфии. И когда я спросил об этом Уильяма, он все подтвердил.

– Правда? – Как ни странно, Грей приободрился. Если Уилли успокоился настолько, что поговорил об этом с Хэ-

лом, то его разговор с отцом пройдет не так ужасно, как он опасался.

– Как давно ты об этом знаешь? – поинтересовался Хэл.

– Наверняка? С тех пор, как Уилли исполнилось два или три года. – Грей вдруг широко зевнул и замер, бессмысленно моргая. – Кстати, хотел спросить... Как прошло сражение?

– Ты же поучаствовал в бою? – Хэл посмотрел на него с конфузливый весельем.

– Неудачно. А мои возможности ограничивались обстоятельствами. Кроме того, у меня всего один здоровый глаз. – Грей осторожно коснулся больного глаза. Поспать бы хорошенько... От желания прилечь качало, он едва не падал на кровать Хэла.

– Сложно сказать. – Хэл выудил полотенце из корзины с бельем, стоявшей в углу; склонился, вынул ноги брата из масла и осторожно промокнул. – Полная неразбериха. Жуткая земля, изрезанная ручьями, то фермерские угодья, то рощи... Сэр Генри благополучно увел вещевые обозы и беженцев. Но Вашингтон... Насколько я видел и слышал, его войска исполнили свой долг. Сполна, – задумчиво добавил он и поднялся на ноги. – Ложись, Джон. Я найду другую кровать.

Грей слишком устал, чтобы спорить. Он просто лег на спину, не собираясь даже раздеваться. В больной глаз будто песок насыпали. Может, попросить Хэла найти мед? Ладно, это подождет до утра...

Хэл снял с крюка фонарь и повернулся было к выходу, но,

помедлив, снова посмотрел на брата.

– Думаешь, миссис Фрэзер – кстати, завтра я хочу узнать, с чего она вдруг вышла за тебя замуж, – так вот, думаешь, она знает об Уильяме и Джеймсе Фрэзере?

– Увидев этих двоих рядом, любой, у кого есть глаза, догадается об их родстве, – смежив веки, пробормотал Грей. – Впрочем, она об этом не говорила.

Хэл фыркнул.

– Видимо, знали все, кроме Уильяма. Неудивительно, что...

– Не то слово.

– Я не нашел «то» слово.

– Ну и что? – глаза Грея закрылись сами собой.

Хэл отошел к выходу и сказал:

– У меня новости о Бене. Говорят, он умер.

Глава 85

Долгая дорога домой

Джейми, одетый только в рубашку и штаны, сидел у окошка и смотрел на высыхающие волосы жены. В маленькой комнатухе, предоставленной им миссис Маккен, было жарко, как в печке. Пот лежал на коже, словно роса, и скатывался по телу при каждом движении, но Джейми старался не перекрывать веющий от окна ветерок, чтобы он хоть немного освежил пропахший сыром и кровью комнатный воздух.

Он намочил волосы Клэр водой из большого кувшина, который принесла миссис Маккен, побрызгал водой и на нижнюю рубашку жены. Мокрая ткань облепила тело Клэр, обрисовывая круглые розовые ягодицы и толстую повязку на боку, по которой медленно расплывалось кровавое пятно.

– Мед-лен-но, – произнес Джейми беззвучно, одними губами. Медленно! Лучше бы кровотечение совсем прекратилось, но хорошо уже, что оно замедлилось.

Восемь пинт – вот сколько, со слов Клэр, крови в человеческом теле. Пусть и не у всех – разумеется, у мужчины его комплекции крови больше, чем у женщины наподобие Клэр. Ее волосы начали высыхать, отдельные прядки, курчавясь, приподнимались над основной массой, будто тонкие усики муравья. Джейми хотел бы отдать Клэр часть своей крови, ведь у него ее много. Она упоминала, что это возможно, но

не в нынешнее время. Еще она говорила что-то о несовместимости крови...

Волосы у Клэр разноцветные: каштановые, цвета патоки, сливок и масла, сахара... а там, где их касаются лучи заходящего солнца, вспыхивают золотистые и серебристые искры. Широкая прядь у виска почти в тон ее лица. Клэр спала, положив одну руку под бок, а другую рядом с лицом. На бледном запястье пульсировали синие венки.

Клэр хотела перерезать запястья, когда узнала, что он умер. Джейми вряд ли сделал бы это, если б Клэр умерла. Он видел подобную смерть: рассеченные до кости запястья Тоби Квинна, смердящая мясницкой комната и слово «десятина», написанное кровью на стене – признание Тоби. Десятина аду. Джейми вздрогнул, невзирая на жару, и перекрестился.

Клэр говорила, что, возможно, все младенцы Йена и его индейской жены умирали из-за несовпадения их крови. С Рэйчел такого может и не быть. Джейми быстро помолился об этом и снова перекрестился.

Волосы, лежавшие на плечах Клэр, медленно курчавились и поднимались, будто тесто. Может, дать ей снова воды? Ей нужно пить, чтобы восполнить кровь и охладиться. Но пока она спит, ей не так больно. Быть может, позже.

Не сейчас, Боже, пожалуйста, не сейчас...

Клэр пошевелилась и застонала. Пятно на ее повязке сменило цвет с алого на бурый – кровь высохла. Джейми осто-

рожно коснулся ее руки. Горячая.

Кровотечение остановилось. Начался жар.

Теперь с ним заговорили деревья. Лучше бы они молчали. Тишина – вот что нужно сейчас Йену Мюррею. Он один, но в ушах звенит, а голова раскалывается от шума. Такое всегда случается на другой день после битвы. Ты так напряженно прислушиваешься к врагу, к направлению ветра, голосам святых за твоей спиной... что начинаешь слышать голоса леса, как во время охоты. А когда отзвучат выстрелы и крики, ты слышишь тяжелые толчки крови в теле и ушах, и нужно подождать, чтобы шум стих.

В памяти мелькали обрывки событий сегодняшнего дня – сражающиеся солдаты, удар стрелы в плечо, лицо убитого у костра абенаки, скачущий по дороге на огромном белом коне и машущий шляпой Джордж Вашингтон – и тонули в гудящем тумане...

Над головой шелестел листвою ветер, касался кожи, будто наждаком. Что скажет Рэйчел, когда он признается ей в том, что сделал? В ушах до сих пор стоял глухой звук, с которым томагавк проломил череп абенаки. Рука тоже помнила ощущение удара, отзываясь болью в ране.

Йен смутно осознавал, что идет не по дороге: обутые в мокасины ноги путались в траве, ударялись о камни. Он огля-

нулся, ища взглядом тропу – он ведь видел ее, черную, извилистую линию... Почему она извивается?

Нет, все-таки ему не нужна тишина. Он хочет слышать голос Рэйчел, что бы она ни сказала ему. Кажется, он больше не может идти. Кажется, он этому даже удивился...

Йен не помнил падения, он обнаружил себя уже на земле, горячей щекой на прохладе колючих сосновых иголок. Он с трудом встал на колени, соскреб с влажной земли лишнее и лег на нее всем телом; сосновые иглы прикрыли его, будто одеяло. Сил хватило лишь на то, чтобы коротко попросить дерево охранять его этой ночью.

И, погружаясь в темноту, он вспомнил голос и слова Рэйчел: «Ты идешь по жизни своей дорогой, Йен. Я не могу разделить твой путь, но могу пойти рядом с тобой. И пойду».

Хорошо бы она не передумала, когда узнает, что он сделал...

Глава 86

Неожиданности на утренней заре

Грей проснулся под барабанный бой. Подобная утренняя побудка – дело привычное, но где он находится? Нет, понятно, что в лагере, но где именно? Откинув одеяло, Грей медленно сел и сосредоточился на ощущениях. Левая рука ныла, один глаз не открывался, горло пересохло, одежда грязная и вонючая, и ко всему прочему хочется облегчиться.

Под кроватью обнаружился горшок, и Грей воспользовался им. От мочи слабо пахло яблоками. Вспомнился вкус сидра и то, что случилось прошлым днем и ночью. Мед и мухи. Артиллерия. Кровь на лице Джейми. Приклад винтовки и хруст кости. Уильям... Хэл...

Вспомнилось почти все. Грей сел на кровать и замер, решая, правда ли то, что сказал ему Хэл о смерти своего старшего сына, Бенджамина? Вряд ли. Скорее всего, это привиделось ему в кошмаре. Но все же им овладело ужасающее чувство обреченности, которая опускается на разум, будто занавес, и приглушает недоверие.

Покачиваясь, Грей встал и собрался идти на поиски брата. Однако он не успел даже найти обувь, когда полог отлетел в сторону и на пороге возник Хэл в сопровождении денщика, несущего таз, дымящийся кувшин и принадлежности для бритья.

– Сядь, – вполне обычным голосом сказал Хэл. – Тебе придется надеть один из моих мундиров, но ты его не получишь, пока выглядишь и пахнешь так, как сейчас. Что, черт возьми, случилось с твоими волосами?

Грей коснулся макушки и с удивлением обнаружил колкую щетину.

– Ах это... *Ruse de guerre*¹. – Он медленно сел, не сводя глаз с брата. Большой глаз тоже открылся, но в него будто песка насыпали. Хэл вроде бы выглядел как обычно. Уставшим, вымотанным, задерганным... но на следующий день после сражения так выглядят все. Если бы его сын и вправду умер, Хэл выглядел бы иначе – гораздо хуже.

Грей хотел спросить о Бенджамине, однако Хэл ушел, оставив его на попечение денщика. После того как Грея вымыли, появился молодой веснушчатый хирург-шотландец, зевая, будто не спал всю ночь. Он сонно посмотрел на руку Грея, профессионально ощупал, заявил, что кость повреждена, но перелома нет, и сделал для нее перевязь. Которую тут же пришлось снять, чтобы Грей смог одеться – еще один денщик принес мундир и поднос с едой. К тому времени как Грей оделся и был едва ли не насильно накормлен, он уже изнывал от нетерпения.

Придется ждать, пока вернется Хэл, ни к чему прочесывать лагерь в его поисках. До встречи с Уильямом обязательно нужно поговорить с братом. На подносе стояло блюдо

¹ Военная хитрость (*фр.*).

с медом, к которому прилагался поджаристый хлебец. Грей сунул палец в мед и задумался, не намазать ли им глаз? Но в этот миг, откинув полог, в палатку вошел Хэл.

– Ты и правда сказал мне, что Бен умер? – тут же выпалил Грей.

– Нет, – слегка поморщившись, ровным тоном ответил Хэл. – Я сказал тебе, что у меня есть новости о Бене. *Говорят*, что он мертв. Я в это не верю. – Он посмотрел на Грея, взглядом запрещаая тому возражать.

– Вот как. Хорошо, тогда я тоже в это не верю. Кто тебе это сказал?

– Вот потому-то я и не поверил. – Хэл выглянул наружу, убедился, что их никто не подслушает, и ответил: – Мне сообщил об этом Иезекиль Ричардсон, а я не поверю этому типу, даже если он скажет, что на моих штанах сзади дыра. А уж подобному известию...

– Твои предчувствия верны, – отозвался Грей. – Сядь и скушай хлебец. Мне есть что рассказать тебе.

Уильям проснулся с невыносимой головной болью и убеждением, будто он забыл что-то важное. Стиснув руками виски, он обнаружил на голове повязку и нетерпеливо стянул ее – она натирала уши. На повязке обнаружилось немного засохшей крови. Смутно вспомнился вчерашний вечер –

боль, тошнота, головокружение, дядя Хэл... и бледный, исхудавший отец. «Если нам есть что сказать друг другу...» О боже, ему это привиделось?

Он выругался на немецком, и чей-то юный голос тут же неуверенно повторил эти слова.

– Что они означают, сэр? – спросил Зеб, стоявший у кровати с накрытым крышкой подносом.

– Тебе не нужно это знать. И повторять не нужно, – садясь, ответил Уильям. – Что с моей головой?

Зеб удивленно поднял бровь.

– Вы не помните?

– Стал бы я спрашивать, если бы помнил?

Зеб сосредоточенно нахмурился, но смысл вопроса ускользал от него, и он пожал плечами, поставил поднос и ответил на первый вопрос:

– Полковник Грей сказал, что вас ранили дезертиры.

– Дезер... – Уильям осекся и задумался. Дезертиры-англичане? Нет... Ах вот почему ему на ум пришли немецкие ругательства! Смутно вспомнились гессенцы и... кто еще?

– Коленсо вылечился от поноса, – сообщил Зеб.

– Радует, что этот день хоть для кого-то начался с хорошего. О боже. – Боль стрельнула в виски, и Уильям схватился за голову. – Здесь есть какая-нибудь выпивка?

– Да, сэр! – Зеб торжественно снял крышку с подноса, на котором обнаружилась тарелочка с яйцами всмятку, поджаренные хлебцы, кусок ветчины и стакан чего-то подозри-

тельно мутного, от которого пахло алкоголем.

– Что это?

– Не знаю, сэр, но полковник Грей сказал, что это вам для опохмеления.

Значит, не сон... Отбросив эту мысль в сторону, Уильям с опасливым интересом изучил содержимое стакана. Укрепляющее средство отца он попробовал впервые в четырнадцать лет, случайно перепутав его с пуншем, приготовленным для приема лорда Джона. С тех пор Уильям несколько раз употреблял это средство и находил его неизменно действенным, пусть и странным на вкус.

– Ладно, – сказал Уильям и, глубоко вздохнув, поднял стакан и героически осушил его одним долгим глотком.

– Ух ты! – восхищенно ахнул Зеб. – Повар сказал, если пожелаете, он пришлет вам колбасу.

Не в силах ответить, Уильям покачал головой и взял хлебц. Подержал его немного в руках, будучи не в силах решить, хочет он его съесть прямо сейчас или нет. Голова до сих пор болела, но укрепляющее средство вернуло на место еще несколько фрагментов памяти.

«Совет? Ты слишком большой, чтобы давать его тебе, и слишком юн, чтобы принять его...»

«Er spricht Deutsch. Er gehört!.. Он говорит по-немецки. Он все слышал!..»

– Я слышал, – медленно произнес Уильям. – Но что я слышал?

Зеб явно принял это за очередной риторический вопрос и не стал на него отвечать, а задал свой собственный:

– Что случилось с Готом, сэръ? – Его узкое лицо помрачнело, будто он приготовился услышать дурные вести.

– Гот, – отсутствующе проговорил Уильям. – Что-то случилось с Готом?

– Он пропал, сэръ. То есть... когда солдаты забрали вас и индейца от мятежников, вы были не на нем.

– Когда нас... что за индеец? Что, черт возьми, вчера случилось, Зеб?

– Откуда мне знать? – обиженно выдал Зеб. – Меня-то там не было, верно?

– Конечно... черт! Мой дядя – герцог Пардлоу – в лагере? Мне нужно поговорить с ним.

– Наверное, я могу поискать его, – неуверенно ответил Зеб.

– Поищи. Прямо сейчас. – Уильям взмахом руки отослал его и задумался, пытаясь воскресить в памяти вчерашний день. Мятежники? Гот... Он что-то помнил о Готе, но что именно? Он гнался за повстанцами, которые увели его коня? Но при чем тогда индейцы и дезертиры, и почему ему запомнилась немецкая речь? И о каком полковнике Грее говорил Зеб? Должно быть, это дядя Хэл... хотя звание отца – подполковник, и его в разговоре тоже иногда называют полковником...

Уильям посмотрел на поднос и пустой стакан. Дядя Хэл

точно знает об этом средстве, но...

«Ты жив, и все хорошо».

Уильям положил обратно хлебец – в горле стоял ком. Снова. То же самое было вчера, когда он увидел отца. Когда он сказал своему отцу – да, черт возьми, своему отцу! – «Я рад, что ты не умер».

Может, он и не вполне готов к разговору с отцом – или к разговору отца с ним – и не согласен с тем, что все хорошо, но все же...

Кто-то отодвинул полог, и солнечный луч ударил в глаза Уильяму. Сморгнув невольные слезы, он выпрямился и спустил ноги с кровати, готовясь встретить...

Но это оказался не дядя и не отец, а Банастр Тарлетон в не-застегнутом мундире и без парика. Выглядел он как-то слишком весело для человека, которого, судя по всему, недавно ударили в лицо.

– Жив, а, Элсмир? – Бан тюкнул вареное яйцо, выпил середину и с удовольствием облизал грязные пальцы. – Боже, как я голоден! С самого рассвета не ел. Убийство на пустой желудок разжигает аппетит. Можно, я доем остальное?

– На здоровье. Кого ты убивал вместо того, чтобы завтракать? Повстанцев?

Набивший рот хлебцами Тарлетон удивленно посмотрел на него. Наскоро прожевал, проглотил и ответил, окатив Уильяма крошками:

– Нет, насколько я знаю, войска Вашингтона бежали на

юг. Мы убивали гессенских дезертиров. Полагаю, тех самых, которые стукнули тебя по голове и бросили умирать. У них был твой конь, его опознали. – Тарлетон потянулся за очередным яйцом, и Уильям сунул ему в руку ложку.

– Бога ради, ешь цивилизованно. Мой конь у тебя?

– Да. Он хромает на правую ногу, но вряд ли серьезно ранен. М-м-м... у тебя личный повар?

– Нет, это приготовил повар моего дяди. Расскажи о дезертирах. Они ударили меня по голове, и я кое-что не помню. – «Кое-что» – это еще мягко сказано, однако память быстро возвращалась к Уильяму.

Не переставая жевать, Тарлетон рассказал, как все было.

Отряд наемников фон Книпхаузена в разгаре сражения решил бежать, правда, не все в отряде этого хотели. Те, кто собрался дезертировать, отошли в сторонку и тихо обсуждали, стоит ли убивать остающихся. И вдруг к ним подошел Уильям.

– Сам понимаешь, это их слегка выбило из колеи. – Прикончив яйца и большую часть хлебцев, Тарлетон заглянул в стакан и расстроился, что в нем ничего нет.

– Вон в той фляжке может быть вода, – Уильям кивнул на свисавшую с шеста поношенную оловянную фляжку в кожаной оплетке. – Вот оно что... Они слегка нервничали, но когда я спросил их по-немецки, где найти кузнеца... О, вспомнил! Гот потерял подкову, вот почему он... А потом я услышал, как они яростно перешептываются, и один из них ска-

зал, что я все слышал и все теперь знаю. Должно быть, они решили, что я их подслушивал и узнал о заговоре.

Уильям облегченно вздохнул – наконец-то он вспомнил большую часть событий вчерашнего дня!

– Видимо, так и есть. – Тарлетон кивнул. – Они и в самом деле убили кое-кого из тех, кто отказался сбегать, – после того, как тебя ударили по голове и сбросили в ущелье, началась драка. Некоторым наемникам удалось сбежать и добраться до фон Книпхаузена. Услышав новость, он послал депешу Клинтону с просьбой о помощи.

Уильям кивнул. С дезертирами и предателями всегда лучше разбираться тем, кто не состоит в том же отряде. А Бан Тарлетон наверняка уцепился за возможность выследить дезертиров и...

– Тебе приказали убить их?

Тарлетон растянул в улыбке испачканные желтком губы и смахнул с подбородка хлебные крошки.

– Не напрямую. Я так понял, что нескольких пленников будет вполне достаточно. Тем более что в приказе содержался намек на это, дабы *pour encourager les autres*.

Уильям кивнул, вежливо не выказав своего удивления тем, что Тарлетон, оказывается, умеет читать, к тому же прочел роман Вольтера «Кандид», откуда и взял эту фразу, означавшую «в назидание прочим».

– Понятно. Мой денщик сказал странное – что меня нашли повстанцы и среди них был индеец. Ты что-нибудь об

этом знаешь?

Тарлетон удивленно покачал головой.

– Ничего. Хотя... – Он сел на табурет, сцепил руки на колене и с довольным видом заявил: – Я все же кое-что знаю. Помнишь, ты спрашивал меня насчет Харкнесса?

– Харкнесс... ах да! – воскликнул Уильям, помимо вопроса о Харкнессе вспомнивший еще кое-что важное – Джейн и ее сестру.

Тут же захотелось отыскать Джейн и убедиться, что у них с сестрой все хорошо. Беженцы-лоялисты и сопровождающие армию люди, разумеется, не участвуют в битве – однако ярость и возбуждение солдат не проходят сразу после окончания боя. А беззащитных грабят и насилуют не только дезертиры и мародеры.

Мельком вспомнилась Анна Эндикотт и ее семья – но у них хотя бы есть мужчина, который может их защитить, пусть он и плохо вооружен. А вот Джейн и Фанни... хотя Зеб знал бы, если...

– Что ты сказал? – Уильям безучастно посмотрел на Тарлетона.

– Похоже, удар по голове подействовал и на твой слух. – Тарлетон отхлебнул из фляжки. – Я сказал, что наводил справки. Харкнесс не вернулся в полк. Говорят, он до сих пор в Филадельфии.

У Уильяма пересохло во рту. Он взял фляжку и отпил. Вода оказалась теплой и отдавала оловом, хотя горло смочи-

ла.

– Хочешь сказать, он в самовольной отлучке?

– В наисамовольнейшей, – заверил его Тарлетон. – Кто-то упомянул, что он обещал вернуться в некий бордель и как следует проучить одну шлюху. Должно быть, вместо этого она его проучила! – Он жизнерадостно рассмеялся.

Уильям резко встал и, чтобы занять себя чем-нибудь, решил повесить фляжку на место. Полог был опущен, но тонкие солнечные лучи проникали сквозь щели. Блеск металла привлек внимание Уильяма. На гвозде висел его горжет.

– Персиваль Уэйнрайт? – в замешательстве переспросил Хэл.

Грей не видел его таким растерянным со дня смерти их отца – кстати, в этом тоже был замешан Перси.

– Собственной – и весьма модно одетой – персоной. Он, похоже, советник у маркиза де Лафайета.

– А это еще кто?

– Импульсивный юный лягушонок с кучей денег, – пожав плечом, ответил Грей. – Генерал мятежников. Говорят, он дорог Вашингтону.

– Дорог, – повторил Хэл, остро глянув на Грея. – Думаешь, Уэйнрайту он тоже дорог?

– Возможно, не в том смысле, – спокойно ответил Грей,

хотя его сердце забилось чуть чаще. – Я так понимаю, ты ничуть не удивлен тем, что он жив. Я имею в виду Перси, – слегка сконфуженно добавил Грей. В свое время ему пришлось приложить немало усилий, чтобы подстроить все так, будто Перси умер в тюрьме, дожидаясь суда за содомию.

Хэл еле слышно фыркнул.

– Подобные ему не умирают так просто. Зачем он, по-твоему, рассказал тебе все это?

Грей силой воли отбросил в сторону воспоминания о поцелуе с запахом бергамота, красного вина и петигрена.

– Не знаю. Но я точно знаю, что он связан с французами и...

– Уэйнрайта всегда интересовала лишь собственная выгода, – грубо оборвал брата Хэл и проницательно посмотрел на него. – Лучше не забывай об этом.

– Вряд ли я увижу его снова, – возразил Грей, простив брату, что тот счел его таким наивным, не сказать хуже. Пусть Хэл и не верит сообщению Ричардсона о Бене – и, скорее всего, он прав, – все же нельзя игнорировать возможность того, что новость верна.

Хэл подтвердил это допущение ударом кулака о походный сундук, отчего оловянные чашки подпрыгнули и попадали. Он резко встал.

– Черт побери. Оставайся здесь!

– Куда ты?

Хэл замер у выхода. Он все еще казался уставшим, хотя в

глазах его уже зажегся огонь битвы.

– Арестовать Ричардсона.

– Бога ради, ты ведь не можешь просто взять и арестовать его! – Грей поднялся и схватил Хэла за руку.

– В каком полку он служит?

– В пятом, но он сейчас не здесь. Разве я не говорил тебе, что он шпион? – последнее слово Грей произнес с толикой презрения.

– Ладно, тогда я сначала поговорю с сэром Генри.

Грей сильнее сжал руку Хэла.

– Я думал, тебе надоели скандалы, – сказал он, пытаюсь успокоиться. – Вздохни глубоко и представь, что может произойти, если ты все расскажешь. Это если еще у сэра Генри найдется время, чтобы рассмотреть твоё заявление. Собираешься сделать это сегодня?

Снаружи строились войска. Вашингтон не станет их преследовать, но Клинтон не будет ждать. Его отряд, вещевой обоз и беженцы появятся на дороге в течение часа.

Рука Хэла была твердой, будто мрамор, однако брат остановился и медленно, равномерно задышал. Наконец он повернул голову и посмотрел в глаза Грея. Солнечный луч высветил морщины на его лице.

– Думаешь, есть то, чего я не сделаю, чтобы не говорить Минни о смерти Бена?

Грей глубоко вздохнул, кивнул и выпустил руку брата.

– Понятно. Я помогу тебе, что бы ты ни задумал. Но для

начала я должен поговорить с Уильямом. Перси сказал...

– Ах да, конечно. – Хэл моргнул, его лицо расслабилось. – Встретимся через полчаса.

Уильям уже оделся, когда знакомый ему лейтенант Фостер принес ожидаемое послание от сэра Генри. С сочувственным видом Фостер протянул ему документ, запечатанный личной печатью сэра Генри Клинтонa. Недобрый знак. А с другой стороны, если бы его собирались арестовать за вчерашнее самоуправство, то Гарри Фостер пришел бы с вооруженным эскортом и увел без церемоний. Это обнадеживало, и Уильям, не колеблясь, вскрыл послание.

В нем содержалось краткое уведомление, что его отстранили от службы до дальнейших указаний. Уильям выдохнул и лишь тогда осознал, что во время чтения затаил дыхание.

Разумеется, сэр Генри не посадит его в тюрьму – это невозможно, когда армия на марше. Разве что закует в кандалы и повезет в повозке... Клинтон даже не может посадить его под домашний арест – предполагаемый «дом» как раз закачался над его головой: дядин денщик разбирал палатку.

Ну и ладно. Уильям положил послание в карман, сунул ноги в сапоги, надел шляпу и вышел, с учетом сложившихся обстоятельств чувствуя себя не так уж и плохо. Болела голова, но терпимо, и он даже позавтракал тем, что оставил ему

Тарлетон.

Ко времени, когда все утрясется и сэр Генри выкроит время, чтобы обратить внимание на неповиновение своим приказам, Уильям уже отыщет капитана Андре и расспросит его, как найти Тарлетона, и все будет хорошо. А пока он будет искать Джейн.

Над самодельными укрытиями и стоящими вдоль дороги фермерскими повозками, вокруг которых толпились женщины, витал горьковатый запах свежей капусты. Армейский повар кормил беженцев, но рационы были скудными – несомненно, из-за сражения.

Уильям пошел по дороге, выискивая Джейн или Фанни, и наткнулся взглядом на Пегги Эндикотт – она шла навстречу ему с ведром в каждой руке.

– Мисс Пегги! Могу я предложить вам свою помощь? – Уильям улыбнулся ей и обрадовался ответной улыбке, вспыхнувшей на встревоженном до того личике.

– Капитан! – воскликнула она, от волнения чуть не выронив ведро. – О, как я рада видеть вас! Мы так волновались за вас – сражение ведь, и мы молились о вашей безопасности, но папа сказал, что вы обязательно победите злых мятежников, и Бог уберезет вас.

– Ваши молитвы очень помогли мне, – заверил ее Уильям и взял ведро. В одном была вода, из другого торчала зеленая ботва репы. – Как здоровье ваших родителей и сестер?..

Дальше они пошли вместе. Пегги приплясывала и болта-

ла, будто жизнерадостный попугайчик. Уильям пригляделся к прачкам – нет ли среди них Джейн или Фанни? – рядом с этими грозными женщинами гораздо безопасней, чем в какой-либо другой части лагеря. Сегодня утром вода в котлах не кипела, но в воздухе все равно витал запах хозяйственного мыла и грязной мыльной пены.

Не встретив ни Джейн, ни Фанни, они дошли до повозки Эндикоттов – Уильям с удовольствием отметил, что все четыре колеса на месте. Эндикотты тепло поприветствовали его, Уильям согласился помочь им погрузить вещи и снял шляпу. При виде шишки на его голове женщины ахнули.

– Ничего серьезного, мэм, всего лишь царапина, – в десятый раз заверил он миссис Эндикотт, когда она заставила его сесть в тени и выпить воды со слабым привкусом бренди. Миссис Эндикотт так радовалась, что у них еще есть бренди...

Потом он помогал Эндикоттам складывать вещи в повозку. Передавая Уильяму ящичек с чаем, Анна провела ладонью по его руке – наверняка нарочно.

– Вы останетесь в Нью-Йорке? – спросила она, подняв дорожную сумку. – Или же – простите мое любопытство, но это многих интересует – вернетесь в Англию? Мисс Джерниган говорит, что это возможно.

– Мисс... ах да, конечно, – Уильям наконец-то вспомнил Мэри Джерниган – кокетливую блондинку, с которой он танцевал на балу в Филадельфии. Он окинул взглядом бежен-

цев. – Она здесь?

– Да, у доктора Джернигана есть брат в Нью-Йорке, какое-то время они будут жить у него, – слегка резковато ответила Анна – похоже, она уже пожалела, что привлекла его внимание к Мэри Джерниган. Однако она быстро взяла себя в руки и широко улыбнулась, отчего на ее левой щеке появилась очаровательная ямочка. – Вам ведь нет нужды искать приют у родственников, которые предоставят его с неохотой? Мисс Джерниган сказала, что в Англии у вас большое имение.

Уильям уклончиво хмыкнул. Отец предупреждал его о девицах, ищущих богатых женихов. Таких оказалось много, но ему все равно нравилась Анна Эндикотт и ее семейство. Он предпочитал думать, что они питают к нему искреннее расположение, а его титул и нынешнее шаткое положение мистера Эндикотта, которое наверняка затронет Анну и ее сестер, никак на это не влияют.

– Не знаю, – забрав у нее сумку, ответил Уильям. – Я и в самом деле не представляю, что меня ждет. Да и кто знает такое во время войны? – Он улыбнулся с толикой сожаления.

Словно ощутив душевные метания Уильяма, Анна коснулась его руки и тихо сказала:

– По крайней мере, вы можете быть уверены в том, что у вас есть друзья, которым небезразлично ваше будущее.

– Спасибо, – ответил Уильям и посмотрел на повозку, чтобы Анна не заметила, как он тронут ее словами.

К нему целеустремленно проталкивался через толпу некий мужчина, и при виде него мысли о влажных, темных очах Анны Эндикотт тут же улетучились.

– Сэр! – задыхаясь от бега, произнес Коленсо Барагванат. – Сэр, вы...

– Вот ты где, Барагванат! Что ты здесь делаешь и где оставил Мадраса? Впрочем, у меня есть хорошие новости – Гот нашелся. Он у полковника Тарлетона и... что такое?

Коленсо дернулся, будто у него в штанах оказалась змея, его квадратное корнуольское лицо скривилось.

– Джейн и Фанни ушли, сэр!

– Ушли? Куда?

– Не знаю, сэр. Но они ушли. Я вернулся за курткой, шалаш был на месте, а их вещи пропали, и я не смог найти их! Я спросил соседей, они сказали, что девушки собрали свои узлы и исчезли!

Уильям не стал тратить время на расспросы о том, как кто-то может исчезнуть посреди лагеря, в котором обитает тысяча человек. Не говоря уж о том, зачем им это могло понадобиться.

– Куда они пошли?

– Туда, сэр! – Коленсо указал на дорогу.

Уильям с силой провел рукой по лицу и резко замер, случайно задев опухшую рану на левом виске.

– Ай! Черт побери... ох, прошу прощения, мисс Эндикотт, – Уильям только сейчас заметил, что Анна Эндикотт

по-прежнему стоит рядом и смотрит на них круглыми от любопытства глазами.

– Кто такие Джейн и Фанни? – спросила она.

– Э-э... две юные леди, которые путешествуют под моей защитой, – ответил Уильям, осознавая, какой эффект произведут его слова, но не зная, как объяснить по-другому. – *Очень* юные леди, – уточнил он, желая как-то улучшить ситуацию. – Дочери моего м-м-м... дальнего родственника.

Похоже, он не убедил ее.

– Вот как, – сказала Анна. – И они сбежали? Но почему?

– Будь я проклят, если знаю... прошу прощения, мэм. Я не знаю, однако попробую выяснить. Извинитесь за меня перед своими родителями и сестрами.

– Да... разумеется. – Со смущенно-испуганным видом Анна протянула было к нему руку, но тут же отдернула. Как ни жаль, но Уильям пока не мог объяснить ей все.

– К вашим услугам, мэм. – Поклонившись, он ушел.

Джон увидел Хэла не через полчаса, а через полдня. Он случайно заметил брата, когда стоял у ведущей на север дороги и глядел на марширующее мимо войско. Большая часть солдат уже прошла, сейчас мимо него катились повозки поваров и прачек, а за ними неорганизованной толпой, будто казнь египетская в виде мошкары, тянулись беженцы.

– Уильям пропал, – без преамбулы сообщил он Хэлу.

Брат угрюмо кивнул.

– Как и Ричардсон.

– Черт бы их побрал.

Рядом стоял конюх Хэла, держа поводья двух лошадей.

Хэл кивнул на темно-гнедую кобылу и взял поводья своего коня, светло-гнедого мерина с белым пятном на лбу и белым чулком.

– Куда поедем? – спросил Грей, когда брат развернул коня на юг.

– В Филадельфию, куда ж еще? – процедил сквозь зубы Хэл. Грей мог придумать не одну альтернативу, однако умел распознавать риторические вопросы и удовольствовался тем, что спросил:

– У тебя есть чистый носовой платок?

Хэл озадаченно посмотрел на него и вытащил из рукава помятый, но чистый платок.

– Конечно. Зачем?

– Нам может понадобится парламентарский белый флаг. Континентальная армия сейчас находится между нами и Филадельфией.

– Ах вот оно что. – Хэл затолкал платок в рукав, и больше они не разговаривали до тех пор, пока не миновали последних беженцев. И когда они остались одни на дороге, ведущей на юг, Хэл произнес, будто продолжая начатый ранее разговор: – Никто не знает точно, в этакой-то суматохе, но,

похоже, капитан Ричардсон дезертировал.

– Что?!

– Он выбрал довольно подходящий момент. Если бы я не начал искать Ричардсона, его несколько дней никто не хватился бы. Прошлой ночью он еще находился в лагере, но сейчас его там уже нет, если только он не замаскировался под погонщика или прачку.

– Маловероятно. Уильям был здесь этим утром – его видели и твой денщик, и его юный конюх, а также полковник Тарлетон из Британского легиона, который с ним завтракал.

– Кто? Ах этот... – Хэл махнул рукой. – Клинтон ценит Тарлетона, но я не доверяю мужчинам с губами, как у девушки.

– Тем не менее, он явно не имеет отношения к исчезновению Уильяма. Конюх Барагванат полагает, что Уильям поехал искать среди беженцев двух... девушек.

Хэл поднял бровь и посмотрел на него.

– Каких еще девушек?

– Девушек именно того рода деятельности, о котором ты подумал.

– Рано утром, после того, как его накануне вечером ударили по голове? Да еще не одну девушку, а двоих? Выносливый мальчик, надо отдать ему должное.

Грей мог немало рассказать о выносливости Уильяма, но не стал.

– Значит, по-твоему, Ричардсон дезертировал.

Это объясняет, почему Хэл выбрал Филадельфию – если Перси прав и Ричардсон на самом деле американский шпион, то куда еще ему ехать?

– Это наиболее вероятная причина. К тому же... – Хэл колебался, но все же продолжил, отвердев лицом: – если бы я поверил, что Бенджамин мертв, куда б еще я направился?

– Навести справки о его смерти, – ответил Грей, подавив болезненное ощущение, вызванное этим вопросом. – По меньшей мере потребовать его тело.

Хэл кивнул.

– Бена держали – или до сих пор держат – под Нью-Джерси, в местечке под названием «Лагерь Миддлбрук». Я там не был, но это место находится в центре территорий Вашингтона, в горах Уочунг. В гнезде мятежников.

– И ты вряд ли возьмешь в это путешествие большой отряд охраны. Ты поедешь один или с денщиком и одним-двумя лейтенантами. Или со мной.

Хэл кивнул. Какое-то время они ехали молча, каждый думая о своем.

– Значит, ты не едешь в горы Уочунг, – наконец проговорил Грей.

Хэл глубоко вздохнул и стиснул зубы.

– Не сразу. Если я нагоню Ричардсона, то смогу выяснить, что на самом деле случилось – или не случилось – с Беном. А уж потом...

– Ты придумал, что мы будем делать, когда доедем до Фи-

ладельфии? Учитывая, что она в руках повстанцев...

Хэл поджал губы.

– Я решу, что делать, к тому времени, как мы доберемся туда.

– Уж постарайся. Впрочем, у меня уже есть один план.

Посмотрев на Грея, Хэл заправил за ухо влажную прядь волос: сегодня они свободно свисали, он не озаботился заплести их в косу или забрать в хвост – верный признак того, что брат волнуется.

– Нам придется делать что-то безумное, как всегда в твоих лучших планах?

– Вовсе нет. Как я уже говорил, мы наверняка столкнемся с солдатами Континентальной армии. Если они сразу не подстрелят нас, мы покажем им твой парламентерский флаг, – Грей кивнул на рукав Хэла, из которого торчал краешек платка, – и потребуем проводить нас к генералу Фрэзеру.

Хэл удивленно посмотрел на него.

– Джеймсу Фрэзеру?

– Именно так. – При мысли, что он снова встретится с Джейми – и расскажет ему об исчезновении Уильяма, – узел в животе у Грея стал еще туже. – Под Саратогой он сражался вместе с Бенедиктом Арнольдом, а жена Фрэзера с ним дружит.

– Боже, помоги генералу Арнольду, – пробормотал Хэл.

– К тому же у кого еще есть причина помочь нам, как не у Джейми Фрэзера?

– И правда, у кого?

Хэл задумался и молчал, пока им не пришлось спуститься к ручью, чтобы напоить коней. Плеснув в лицо воды, он спросил:

– Так ты, значит, не только умудрился жениться на его жене, но еще и пятнадцать лет растил его незаконнорожденного сына?

– Похоже на то, – произнес Грей тоном, который намекал на его нежелание говорить на эту тему.

– Понятно, – уловив намек, сказал Хэл. Он молча вытер лицо «парламентерским флагом» и сел в седло.

Глава 87

Восход луны

День выдался беспокойным, однако Джейми все же уличил минутку и коротко написал Лафайету о случившемся и препоручил ему свое войско. Записку он отправил с лейтенантом Биксби, попросив его также уведомить о произошедшем капитанов и командиров ополчения. После этого он забыл обо всем, кроме Клэр.

Зато остальные не забыли о нем. На рассвете к дому миссис Маккен потянулись офицеры, ищущие генерала Фрэзера. Миссис Маккен каждый раз казалось, что ей принесли дурные вести о муже, и дом пропах горелой кашей и страхом.

Офицеры задавали вопросы, сообщали новости или сплетни – что генерал Ли был отстранен от командования, арестован, отослан в Филадельфию, сменил сторону и присоединился к Клинтону, повесился, вызвал на дуэль Вашингтона... От генерала Вашингтона прибыл гонец с выражением сочувствия и наилучшими пожеланиями, еще один прискакал от Лафайета с огромной корзиной еды и полудюжиной бутылок кларета.

Джейми не мог есть и отдал корзину миссис Маккен, оставив себе лишь две бутылки вина. Поставил их рядом, открытые, и время от времени прикладывался к вину, чтобы взбодриться в промежутках между обтиранием Клэр, наблюдени-

ем за ней и молитвами.

Джуда Биксби появлялся и исчезал, будто услужливый призрак, но когда что-нибудь было нужно, всегда оказывался рядом.

– Отряды ополчения... – начал было Джейми, однако осекся, забыв, что хотел узнать. – Они...

– Многие разошлись по домам, – выгружая из корзины бутылки с пивом, поведал Биксби. – Срок их службы заканчивается тридцатого – завтра, сэр. Однако большинство ушли уже сегодня утром.

Джейми вздохнул, ощущая, как на душе становится спокойней.

– Полагаю, пройдут месяцы, прежде чем станет ясно, победили мы или нет, – сказал Биксби. Он вынул пробки и передал одну бутылку Джейми. – Но это точно не поражение. Выпьем за это, сэр?

Джейми был измучен беспокойством и молитвами, но улыбнулся Биксби и коротко помолился за него. А когда Биксби ушел, Джейми произнес более долгую молитву за своего племянника.

Йен так и не вернулся, и никто из посетителей не упомянул о нем. Рэйчел приходила накануне вечером, бледная и молчаливая, и ушла на рассвете. Дотти предложила пойти с ней, но Рэйчел отказалась. Им обеим нужно было заниматься ранеными – их до сих пор приносили и размещали в домах и сараях Фрихолда.

«Йен, – тоскливо воззвал Джейми к зятю, – бога ради, присмотри за пареньком, потому что я не могу это сделать. Прости».

Ночью жар у Клэр усилился, однако к рассвету немного спал. Она время от времени приходила в сознание и что-нибудь говорила, но в основном пребывала в беспокойном сне. Однажды Клэр вдруг начала задыхаться и проснулась – ей приснилось, что ее душат. Джейми напоил ее, смочил волосы, и она вновь забылась лихорадочным сном, бормоча и постанывая.

Ему начинало казаться, что он и сам находится в горячечном бреду, в котором молитвы чередовались с водными процедурами и посетителями из чуждого, исчезнувшего мира.

Быть может, это чистилище? Джейми слабо улыбнулся, вспомнив, как много лет назад очнулся на поле битвы у Каллодена: кровь склеила веки, он думал, что умер, и радовался этому, даже если пришлось бы провести какое-то время в чистилище – его ждала неизвестность, может, неприятная, но он ее не боялся.

Он боялся неизбежного.

Джейми решил, что не убьет себя, даже если Клэр умрет. Он не сможет совершить такой серьезный грех, кроме того, есть люди, которые в нем нуждаются, и покинуть их станет еще большим грехом, чем отказ от Божьего дара жизни. Но жизнь без Клэр – он одержимо считал ее вздохи и, только добравшись до десяти, уверился, что она еще жива, – станет

его чистилищем.

Джейми был уверен, что не отводил от нее взгляда, но когда он очнулся от задумчивости, глаза Клэр оказались открыты – темные, влажные озера на белизне лица. Последняя светлая полоска гасла на горизонте, и все цвета в комнате померкли, подернулись серой дымкой, что уже не была светом, но и не стала пока темнотой. Волосы Клэр подсохли и курчавой массой лежали на подушке.

– Я... решила... не умирать, – еле слышно произнесла Клэр.

– Хорошо. – Джейми не смел коснуться ее из боязни навредить, но желание прикоснуться было невыносимым, и он осторожно накрыл ее руку своей. Невзирая на духоту, ее кожа оказалась прохладной.

– Я могла умереть, ты ведь знаешь. – Она закрыла один глаз и осуждающе посмотрела на него другим. – Я хотела умереть. Проклятье, это... ужасно.

– Я знаю, – прошептал Джейми и поднес руку Клэр к губам. Ее тонкие пальчики безвольно лежали в его ладони, у нее даже не хватало сил, чтобы сжать его руку...

Клэр закрыла глаза и громко вздохнула.

– А знаешь почему? – открыв глаза, вдруг спросила она.

– Нет. – Он хотел было шутливо заметить, что она не хотела умирать, пока не запишет рецепт приготовления эфира, но не стал – слишком уж серьезно звучал ее голос.

– Потому что... – сказала она и поморщилась, отчего у

Джейми екнуло сердце. – Потому что... – повторила она сквозь стиснутые зубы. – Я знаю, каково это... когда я думала... что ты мертв и... – Она вздохнула и пристально посмотрела в его глаза. – И я не хотела так поступить с тобой. – Ее грудь опустилась, глаза закрылись.

– Спасибо, саксоночка, – помолчав, сказал он тихо и до восхода луны держал ее ладонь в своих руках и смотрел, как Клэр дышит.

Сквозь крошечное чердачное оконце светила луна. Ее тонкий, нарождающийся серп сияющим полумесяцем окаймлял едва заметный фиолетово-синий шар. «Новая луна вместе со старой» – так называет ее народ в Англии. В Ридже мы это звали «вода в колодце».

Жар спал, кружилась голова, и я чувствовала себя слабой, будто новорожденный мышонок. Бок опух от бедра до подмышки, стал горячим и напряженным, но я была уверена, что это всего лишь последствия хирургического вмешательства. Никакой инфекции, просто небольшое воспаление возле надреза.

Я чувствовала себя будто нарождающаяся луна: печать боли и смерти до сих пор лежала на мне – но лишь оттого, что свету еще предстояло прогнать их. Были и другие неудобства, которые предстояло преодолеть. Я хотела облегчиться,

но не могла даже сесть, не говоря уж о том, чтобы самостоятельно воспользоваться горшком.

Судя по луне, полночь еще не настала. В доме тихо, несмотря на то что лейтенант Маккен благополучно вернулся домой, да не один, а с приятелями. Однако они слишком сильно устали для того, чтобы праздновать – с нижнего этажа доносилось тихое похрапывание. Вряд ли я кого-либо побеспокою, если попрошу помощи у Лоретты Маккен. Вздохнув, я осторожно перегнулась через край кровати и кашлянула.

– Саксоночка? Что-то случилось? – Тень на полу приняла форму тела Джейми.

– Нет. А у тебя? – Я тихо хихикнула.

– Все хорошо, саксоночка. – Раздался шорох – Джейми подтянул ноги и сел. – Я рад, что у тебя хватает сил на вопросы. Хочешь пить?

– Вообще-то я хочу... э-э... обратного.

– Что? А... – Мелькнув светлой рубашкой, он нагнулся и зашарил под кроватью. – Помочь?

– Да. Иначе бы я не стала будить тебя, – немного раздраженно ответила я. – Вряд ли я смогу дождаться миссис Маккен или Догги.

Джейми фыркнул и подхватил меня под мышки, помогая сесть.

– Ну-ка, еще немножечко... Ты ведь делала то же самое – а еще гораздо более неприглядное – для меня.

Так и есть. Но от этого не легче.

– Отпускай. Может, выйдешь?

– Нет, – мягко, но решительно заявил он. – Если я отойду, ты упадешь. Ты это прекрасно знаешь, так что хватит болтать, займись делом, а?

Получилось не сразу – любое напряжение мышц живота вызывало сильную боль. Покончив с этим, я, задыхаясь, легла. Джейми взял горшок, по-видимому, собираясь в традиционной манере эдинбургцев выплеснуть его содержимое из окна.

– Подожди! Оставь до утра.

– Зачем? – помедлив, осторожно спросил он.

Очевидно, Джейми решил, что жар вернулся и я брежу, изобретая какое-нибудь абсурдное употребление для содержимого горшка. Однако он смолчал – по-видимому, на случай, если у меня найдется вполне разумное, пусть и причудливое, объяснение. Я бы засмеялась, не будь мне так больно.

– Когда рассветет, я хочу проверить, что в моче нет крови, – пояснила я. – Правая почка сильно болит, нужно убедиться, что она не повреждена.

Джейми осторожно поставил горшок на пол и, к моему удивлению, выскользнул за дверь, двигаясь тихо, будто охотящаяся лиса. Скрипнула ступенька – Джейми спустился, но его возвращение выдал лишь неяркий огонек свечи.

– Посмотри сейчас. – Он поднял горшок и поднес его ко мне. – Я ведь знаю, что ты теперь до рассвета будешь волноваться.

От этой трогательной заботы у меня на глаза навернулись слезы. Услышав, как у меня перехватило дыхание, Джейми встревоженно нагнулся ниже и поднес свечу к моему лицу.

– Что с тобой, саксоночка? Тебе стало хуже? Я поспешно вытерла глаза уголком простыни.

– Нет. Нет... просто... все хорошо, я всего лишь... ох, Джейми, я так тебя люблю! – Я все-таки расплакалась, хныча и всхлипывая, точно идиот. Я попыталась взять себя в руки и сказала: – Прости, все хорошо, просто...

– Я прекрасно тебя понимаю. – Поставив горшок и свечу на пол, Джейми осторожно лег на край кровати рядом со мной. – Ты ранена, *a nighean*. – Он осторожно убрал влажные волосы с моей щеки. – У тебя был жар, ты изголодалась и измучилась. Бедняжка, ты так исхудала, кожа да кости.

Я покачала головой и прильнула к Джейми.

– Ты тоже, – проямлила я ему в грудь, омочив рубашку слезами.

Насмешливо фыркнув, он осторожно погладил меня по спине.

– Ну, меня еще много осталось, саксоночка. По крайней мере, пока.

Я вздохнула и полезла под подушку в поисках чистого платка.

– Тебе лучше? – садясь, спросил Джейми.

– Да. Пожалуйста, не уходи. – Я схватилась за его ногу, теплую и твердую. – Полежи со мной минуточку, мне так

холодно. – Мне и правда было холодно, хотя судя по влажной от пота коже в комнате жарко. Однако от сильной кровопотери меня знобило, а дыхание стало поверхностным: я не могла произнести предложение целиком, не прерываясь на вдох, а руки то и дело покрывались мурашками.

– Не шевелись, я сейчас. – Джейми обошел кровать и лег позади меня. Кровать была узкой, мы лежали, тесно прижавшись друг к другу.

Я осторожно вздохнула и расслабилась рядом с его теплым, надежным телом.

– Слоны, – стараясь дышать как можно спокойней, сказала я. – Когда самка слона умирает, самец иногда пытается с ней спариться.

Джейми помолчал, а потом на мой лоб легла его большая рука.

– Ты либо снова бредишь, саксоночка, либо у тебя слишком извращенное воображение. Ты ведь не хочешь, чтобы я...

– Нет, – поспешно ответила я. – Уж точно не сейчас. Да я и не умираю. Я просто вспомнила об этом.

Насмешливо фыркнув, Джейми убрал волосы с моей шеи и поцеловал меня в затылок.

– Раз уж ты не умираешь, быть может, сейчас хватит и этого?

Я взяла его руку и положила себе на грудь. Мне понемногу становилось теплее, и озябшие ноги, прижавшиеся к его го-

лениям, расслабились. В окне, запотевшем от влажной летней ночи, виднелись звезды, и я заскучала по холодным, чистым, темно-синим ночам в горах, когда кажется, что до огромных звезд можно достать рукой.

– Джейми, вернемся домой? Пожалуйста...

– Хорошо, – тихо сказал он.

Он держал меня за руку, и молчание заполнило комнату подобно лунному свету. Мы оба размышляли, где наш дом.

Глава 88

Запах рокфора

Я не видела никого из вчерашних посетителей, хотя Джейми рассказал мне о них. Сегодня навестили персонально меня. Миссис Маккен поднялась с визитером по лестнице, невзирая на выдающийся живот, и с глубочайшим уважением пригласила его в мою комнатушку.

Джон был не в мундире и выглядел вопреки обыкновению невзрачно – в куртке и штанах унылого серого цвета, который вежливо называют «сизым». Впрочем, он пытался оживить свой образ серо-голубым жилетом.

– Как ты, дорогая? – сняв шляпу, спросил он и, не дожидаясь ответа, опустился на одно колено у кровати и поцеловал мою руку. Его чисто вымытые волосы пахли бергамотовым мылом и были подстрижены по-военному коротко, но в целом его голова напомнила мне пушистого утенка. Я рассмеялась и тут же со стоном схватилась за бок.

– Не смейся ее! – Джейми сверкнул глазами на Джона.

Голос его звучал холодно, но он явно обратил внимание на вид Джона: его рот скривился.

– Ужасно, правда? – проведя рукой по голове, уныло сказал мне Джон, демонстративно не обращая внимания на Джейми. – Ради приличия приходится надевать парик, но в такую жару я просто не могу его носить.

– Прекрасно тебя понимаю. – Я провела рукой по своим влажным волосам. – Хотя я так и не поняла, зачем мне обривать голову, – намеренно добавила я, не глядя на лежащего сбоку Джейми.

– Не обривай, тебе это совершенно не пойдет, – заверил меня Джон.

– Как твой глаз? – осторожно пытаюсь приподняться, спросила я. – Дай-ка взглянуть...

– Лежи, – ответил он и, наклонившись надо мной, широко раскрыл оба глаза. – Он уже почти такой же, как прежде. Еще побаливает, когда я его касаюсь, и подергивается, если я слишком быстро смотрю вверх или вправо, но... Чувствуешь, пахнет французским сыром? – озадаченно спросил Джон.

Я неопределенно хмыкнула, продолжая ощупывать область вокруг его глаза. Отек до конца еще не спал, белок был в красных прожилках, но кровоподтек уже почти рассосался. Я оттянула нижнее веко – слизистая розовая, ни следа воспаления.

– Глаз слезится?

– Немного, и только на сильном свету, – выпрямившись, заверил он меня и улыбнулся. – Спасибо, дорогая.

Джейми смолчал, но очень выразительно выдохнул. Я не обращала на него внимания. Если он хочет закатить скандал, я все равно не могу помешать ему.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросил Джейми.

Джон посмотрел на него и поднял бровь, будто бы удивляясь тому, что Джейми лежит на кровати за моей спиной. Потом медленно поднялся, не сводя с него глаз.

– А ты как думаешь? – миролюбиво осведомился он. В его голосе не было вызова, и Джейми внезапно осознал собственную враждебность и, нахмурившись, смерил Джона задумчивым взглядом.

Джон улыбнулся уголком рта.

– По-твоему, я пришел, чтобы сразиться с тобой за благосклонность этой леди? Или чтобы соблазнить ее за твоей спиной?

Джейми не засмеялся, но лоб его разгладился.

– Вряд ли. Но ты не выглядишь раненым, так что пришел и не за тем, чтобы тебя полечили.

Джон дружелюбно кивнул, соглашаясь с его словами.

– И вряд ли ты пришел за тем, чтобы продолжить нашу дискуссию, – напряженно предположил Джейми.

Джон медленно вздохнул, еще медленней выдохнул и спокойно посмотрел на Джейми.

– Ты считаешь, нам есть еще что обсуждать?

Повисла напряженная тишина. Я переводила взгляд с одного мужчины на другого. Джейми сузил глаза, Джон широко распахнул. И оба пристально смотрят друг на друга. Не хватает лишь рычания и хлещущих по бокам хвостов.

– Джон, у тебя есть оружие? – весело спросила я.

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Нет.

– Хорошо. – Пытаясь сесть, я слабо застонала. – Значит, ты точно не убьешь его. – Я кивнула на сжимающего кулаки Джейми. – А уж если он не свернул тебе шею в тот раз, то не сделает этого и сейчас, правда? – выгнув бровь, я посмотрела на Джейми.

Он опустил взгляд на меня. Сжатый рот расслабился, руки тоже.

– Скорее всего, нет.

– Вот и хорошо. – Я убрала с лица прядь волос. – Значит, вам незачем драться. А грубые слова снизят удовольствие от этого визита, правда ведь?

Оба промолчали.

– Это был не риторический вопрос, ну да ладно. – Сложив руки на коленях, я повернулась к Джону. – Я польщена твоим визитом, но вряд ли ты пришел только для того, чтобы справиться о моем здоровье. Прости за любопытство, но... зачем ты здесь?

Расслабившись, он взял табурет и сел, сплетя пальцы на колене.

– Я пришел просить о помощи, – глянув на Джейми, сказал Джон. – А еще... сделать тебе одно предложение. Не в качестве ответной услуги. Предложение не зависит от твоей помощи.

Джейми скептически фыркнул, но ничего не сказал.

Джон кивнул и тяжело вздохнул, прежде чем продолжить.

– Однажды ты упомянула, моя дорогая...

– Не называй ее так.

– Миссис Фрэзер, – исправился Джон и, вежливо кивнув мне, обратился к Джейми: – однажды сказала, что она – и ты, как я полагаю, – водите знакомство с генералом Арнольдом.

Джейми и я обменялись озадаченными взглядами. Джейми пожал плечами и сложил руки на груди.

– Да, так и есть.

– Хорошо. Я... и мой брат, – он слегка запнулся при упоминании Хэла, – хотим получить от вас рекомендательное письмо для генерала. Нам нужно официальное разрешение на посещение города – и любая помощь, которую он может предоставить нам для поиска моего сына.

Джон выдохнул и опустил голову. Мы молчали.

Наконец Джейми вздохнул и сел на другой табурет.

– Что этот мелкий паршивец натворил на сей раз? – смиренно поинтересовался он.

Закончив рассказ, Джон вздохнул, потянулся почесать больной глаз, но на полпути отдернул руку.

– Давай перед твоим уходом я положу в глазницу еще меда, – предложила я. – Это уменьшит сухость.

Данный *non sequitur*² помог прервать неловкую паузу, возникшую в разговоре, – Джейми до немоты был поражен рассказом Джона.

– О господи, – наконец вымолвил Джейми и с силой потер лицо.

Он до сих пор носил испачканную кровью одежду, в которой сражался; он не брился три дня, спал вполглаза и мало ел – в общем, выглядел так, что на него страшно было смотреть даже днем, и уж тем более не хотелось бы встретить на темной улочке. Джейми глубоко вздохнул и встряхнулся, будто промокший пес.

– Значит, ты думаешь, оба – и Уильям, и Ричардсон – отравились в Филадельфию?

– Возможно, не вместе – или, по крайней мере, они не вначале были вместе, – ответил Джон. – Конюх Уильяма сказал, что его хозяин отправился на поиски двух... э-э... девушек, которые ушли из лагеря. Но мы подозреваем, что это уловка Ричардсона – он хотел выманить Уильяма из лагеря и перехватить по дороге.

Джейми раздраженно фыркнул.

– Предпочитаю думать, что паренек не такой уж простак и не пойдет с Ричардсоном. Только не после того, как тот отправил его в Великое Мрачное болото в прошлом году и чуть не убил.

– Это он тебе сказал об этом?

² Не связанное с предыдущим замечание (*лат.*).

– А тебе не сказал? – Если прислушаться, в голосе Джейми можно было уловить слабую насмешку.

– Я более чем уверен, что тебе он ни о чем не говорил, – едко ответил Джон. – Он не видел тебя несколько лет до той встречи на Каштановой улице. Я бы поставил на то, что после того вы не встречались, и я наверняка услышал бы, упомяни он Ричардсона тогда, во время разговора в коридоре.

– Да, он сказал об этом моему племяннику Йену Мюррею. Или тот услышал это, пока Уильям бредил от лихорадки, когда Йен выводил его из болот. Ричардсон послал его с сообщением к неким людям в город Дизмэл. С его слов, эти люди были лоялистами. Но половина жителей Дизмэла носят фамилию Вашингтон.

Сварливое выражение исчезло с лица Джона. Он побледнел, и кровоподтеки стали выглядеть как проказа. Джон глубоко вздохнул, обвел взглядом комнату, увидел полупустую бутылку кларета и, не останавливаясь, выпил четверть. Поставив бутылку, Джон приглушенно рыгнул, встал со словами «подождите минутку» и вышел. Мы с Джейми удивленно переглянулись.

Удивлялись мы недолго – Джон вскоре вернулся с герцогом Пардлоу. Джейми сказал что-то исключительно вычурное на гэльском, и я понимающе посмотрела на него.

– И вам тоже доброго дня, генерал Фрэзер, – вежливо кивнув, сказал Хэл.

Как и Джон, он оделся в гражданское, но полоски на его

жилете были кричаще малинового цвета. Где он его раздобыл?

– Я снял с себя эти полномочия, – холодно заметил Джейми. – Зовите меня «мистер Фрэзер». Могу я узнать, чему мы обязаны чести лицезреть вас, ваша светлость?

Хэл поджал губы, но, глянув на брата, был вынужден коротко рассказать о личных причинах, касающихся капитана Ричардсона.

– Еще я, разумеется, хочу вернуть своего племянника Уильяма – если он действительно с Ричардсоном. Брат сказал, вы сомневаетесь в том, что они вместе?

– Да. Мой сын не дурак и не размазня. – Джейми едва заметно выделил голосом «мой сын», и оба Грея слегка напряглись. – Он не даст выманить себя по несерьезной причине и не позволит тому, кого подозревает, взять себя в плен.

– Ты слишком сильно веришь в мальчика, которого не видел с тех пор, как ему исполнилось шесть лет, – непринужденно отметил Хэл.

Джейми печально улыбнулся.

– Я видел, как он рос до шести лет, – парировал он и взглянул на Джона. – Я знаю, из чего он сделан. И кто потом формировал его характер. Полагаете, я ошибаюсь, милорд?

Повисла неловкая тишина, которую прервал голос лейтенанта Маккена, жалобно спрашивающего жену о чистых носках.

– Что ж, куда же тогда, *по-вашему*, пошел Уильям, если

он не с Ричардсоном? – со вздохом спросил Хэл.

– Он пошел за теми девушками, – пожав плечом, ответил Джейми. – Так ведь он сказал конюху? Вы знаете, кто эти девушки?

Греи обменялись разочарованными взглядами, а я осторожно кашлянула, прижимая к животу подушку.

– В таком случае он, скорее всего, вернется, когда найдет их или когда бросит эти поиски, – вмешалась я. – Разве не так? Он ведь ушел в самоволку... то есть, я хочу сказать, без разрешения?

– Ему не нужно разрешение, – возразил Хэл. – Его разжаловали.

– Что? – повернувшись к брату, воскликнул Джон. – Какого черта? За что?

Хэл раздраженно вздохнул.

– За то, что уехал из лагеря, когда ему было приказано оставаться там во время боя. За то, что подрался с другим офицером, потом оказался не в то время не в том месте и в итоге очутился на дне ущелья с проломленным черепом и причинил всем немало беспокойства.

– Он и правда *твой* сын, – с улыбкой сказала я Джейми.

Он фыркнул, однако без недовольствия.

– Насчет племянников... – сказал Джейми Хэлу. – Вы, похоже, весьма неплохо осведомлены, ваша светлость. Быть может, вы знаете что-нибудь об индейском разведчике по имени Йен Мюррей?

Хэл непонимающе смотрел на Джейми, зато Джон тут же сказал:

– Я знаю. Его взяли в плен тем же днем, в битве. Потом он вместе со мной пришел в лагерь, где убил томагавком другого индейского разведчика и ушел.

– Сразу видно, что они с Уильямом родственники, – проворкотала я, испытывая потрясение наполовину с беспокойством. – Он... был ранен?

– Да, – вмешался Джейми. – Его ранили стрелой в плечо. Вынуть ее я не смог, но обломал древко.

– И... с тех пор его никто не видел? – как можно спокойней уточнила я.

Мужчины переглянулись, но промолчали.

– Я... м-м-м... дал ему фляжку разбавленного бренди, – смущенно признался Джон. – От коня он отказался.

– Рэйчел найдет его, – уверенно заявил Джейми. – И я попросил Йена-старшего приглядеть за пареньком. С ним все будет хорошо.

– Надеюсь, ваша уверенность оправдается, сэр, – со вздохом сказал Хэл, искренне подразумевая это. – Но поскольку мы ничего не можем сделать для Мюррея и точно не знаем, где сейчас находится Уильям... Не хотелось бы навязывать вам заботы о *моей* родне, но у меня есть веские причины искать капитана Ричардсона и помимо того, что он сделал или не сделал Уильяму. И потому...

– Конечно, ваша светлость, – сказал Джейми, и его плечи

расслабились. – Саксоночка, надеюсь, ты будешь столь любезна, чтобы не умереть, пока я прошу у миссис Маккен бумагу и чернила?

– У нас есть. Позвольте... – Джон достал из сумки и выложил на стол бумагу, чернильницу, связку перьев и палочку красного воска.

Джейми размешал чернила, заострил перо и принялся писать. Зная, как трудно ему дается письмо и как он ненавидит, когда за ним в это время наблюдают, я, подавив стон, села чуть выше и повернулась к Хэлу.

– Джон упомянул, что вы хотели сделать нам какое-то предложение. Мы, конечно же, в любом случае поможем вам, но меня терзает любопытство...

Хэл удивленно моргнул, но тут же понял, о чем я говорю.

– Да. Мое предложение никак не связано с любезно оказываемой нам мистером Фрэзером услугой. Это предложил Джон, ради удобства всех заинтересованных в этом людей.

Хэл посмотрел на брата, и тот улыбнулся мне.

– Мой дом на Каштановой улице, – сказал он. – В обозримом будущем я вряд ли буду в нем жить. Насколько я знаю, в Филадельфии вы нашли приют в доме печатника... Учитывая твое состояние здоровья, – Джон кивнул на кучку окровавленной одежды в углу, – тебе явно будет лучше в моем особняке...

Его прервало громкое хмыканье, и Джон удивленно посмотрел на Джейми.

– Последний раз, когда я был вынужден принять помощь вашего брата, милорд, – сказал Джейми, глядя на Джона, – я был вашим пленником и не мог позаботиться о своей семье. Сейчас я не пленник и не стану им. Я сам могу позаботиться о своей жене.

В мертвой тишине, под взглядами всех присутствующих Джейми опустил голову и медленно вывел на бумаге свое имя.

Глава 89

Из князей в грязи

Уильям машинально пошел за Мадрасом, но на полпути остановился и задумался. Если он найдет девушек, то не сможет привезти их обеих на одном коне. Сменив направление, Уильям направился к стоянке погонщиков и некоторое время спустя стал обладателем патронной двуколки – теперь уже без патронов – и большого, выносливого мула, у которого не хватало половины уха.

Мул шел неспешно, но все же двигался быстрее, чем идущие пешком девушки. Насколько же они его опережают? Судя по тому, что сказал Зебедея, на час или чуть больше.

– Хейя! – крикнул Уильям и щелкнул кнутом над спиной мула. Животное было недружелюбным, но неглупым и пошло быстрее. Однако Уильям подозревал, что виной тому не только его действия, но и вьющиеся вокруг мула мухи.

Мул без труда поддерживал заданный темп, и они трусили по дороге в зубодробительном ритме, с легкостью обогнав повозки фермеров, фуражиров и даже два отряда разведчиков. Они в два счета нагонят девушек.

Не нагнали. Они проехали чуть ли не десять миль, прежде чем Уильям понял, что уже догнал бы девушек, если бы они шли по этой дороге. Развернув мула обратно, Уильям принялся обследовать боковые дороги, ведущие мимо ферм в

поля. Он ездил по ним, расспрашивая всех встречных и постепенно раздражаясь. Становилось жарко.

Днем его нагнала армия, марширующие войска обогнали мула, который теперь плелся неторопливым шагом. Уильям неохотно последовал за солдатами. Возможно, Коленсо ошибся и девушки не покинули лагерь. В этом случае он найдет их, когда солдаты встанут на ночевку.

Не нашел. Зато отыскал Зеба и Коленсо. Оба слуги клялись, что девушки и в самом деле ушли. Уильям тщательно расспросил прачек и поваров, однако те тоже не видели девушек.

Наконец он принялся искать отца или дядю Хэла. Вряд ли они знали что-нибудь о Джейн и Фанни, но Уильям просто не мог бросить поиски, не попросив о помощи родственников. Две юные девушки вряд ли могли обогнать армию...

Уильям внезапно остановился посреди толпы, заставив остальных обходить себя.

– Черт побери, – пробормотал он, слишком уставший и вспотевший, чтобы произнести это как восклицание. – Коленсо, леворукий придурок. – И, злясь на себя и на конюха, Уильям мрачно направился на поиски Коленсо Барагваната.

Тот и в самом деле был левшой. Уильям это быстро подметил, потому что и сам страдал подобным недугом. Однако в отличие от Коленсо Уильям не путал правую и левую стороны. Коленсо же... Уильяму хотелось пнуть себя самого за то, что он это забыл.

– Чертов идиот, почему ты не подумал об этом? – пробормотал он, утирая потное, пыльное лицо рукавом.

Зачем девушкам идти *вперед* армии? Даже если они боялись кого-то из солдат и собирались добраться до Нью-Йорка, им лучше всего идти в другом направлении, хотя бы временно. Армия уйдет далеко вперед, и тогда они без спешки пойдут, куда им нужно.

Уильям посмотрел на солнце, которое будто замерло на небе, и глубоко вздохнул. Джейн кто угодно, но только не дура. Пожалуй, для начала он поужинает, а потом найдет Коленсо – но Уильям поклялся бы чем угодно, что рассвет застанет его на дороге в Миддлтаун.

Он нашел их незадолго до полудня. Они заметили его, но Уильям первым увидел их, двух девушек, идущих по обочине дороги с тюками в каждой руке. Услышав едущую повозку, девушки глянули на нее через плечо и отвернулись, не заметив ничего опасного. Но Джейн снова обернулась, осознав, кого увидела. Лицо ее исказилось от страха.

Бросив тюк, она схватила сестру за руку и потащила прочь от дороги. Путь проходил по фермерским угодьям, и по обе стороны от дороги расстилались поля, однако впереди, в нескольких сотнях ярдов, высилась довольно большая каштановая роща. Невзирая на оклики Уильяма, девушки мча-

лись к ней так, будто их преследовал дьявол.

Ругаясь себе под нос, Уильям остановил мула, бросил поводья и кинулся в погоню. Он бежал быстро, но девушки все равно достигли опушки роши раньше его.

– Стойте, бога ради! Я не причиню вам вреда!

Фанни было послушалась, но Джейн дернула ее за руку, и девушки исчезли в зарослях.

Уильям хмыкнул и перешел на шаг. Пусть Джейн вбила что-то себе в голову – хотя сомнительно, что у нее вообще есть голова на плечах, – но зачем она потащила свою сестру туда, где два дня назад шли бои?

Следы колес и взрытая земля на полях указывали места, где солдаты бежали или тащили артиллерию. В воздухе пахло смертью. Неубранные трупы гнили на солнце, на них пиروвали мухи и черви... Уильям надеялся, что девушки не столкнутся с таким трупом, и вместе с тем желал этого – тогда они с визгом бросятся обратно, прямо в его руки.

Но в складках здешней местности могут скрываться не только трупы. Уильям машинально схватился за пояс, ища нож – которого, разумеется, там не оказалось, и выругался вслух.

Это будто послужило сигналом – из роши донесся шум. И трупы тут были ни при чем. Мужские голоса то ругались, то убеждали, в ответ раздался визг. Уильям схватил какую-то ветку и побежал в рошу, крича изо всех сил. Его слышали: женщины визжали уже не так истошно, а мужчины – их

определенно было больше одного: двое? трое? – испугались и взволнованно заспорили. Но говорили они не на английском!

– *Mistkerle!*³ – взревел Уильям. – Вонючие гессенцы! *Feiglinge!*⁴ Трусливые дерьмеды!

Обсыпанный листьями и ветками, Уильям вывалился из кустов и увидел, как мужчины – судя по шуму, девушки были все еще с ними – направились к дороге.

Перестав кричать, он сменил направление и бросился обратно к дороге. Ветки хлестали его по лицу, незрелые каштаны били по голове и плечам... Вот они! Из-за деревьев у дороги высунулся мужчина, но тут же отпрянул и под громкий вскрик вытащил за шею упирающуюся Фанни.

Уильям кинулся к ним, громко ругаясь и размахивая импровизированной дубинкой. Должно быть, вкуче с мундиром это выглядело пугающе – мужчина отпустил Фанни и бросился наутек. Фанни покачнулась и упала на колени. Крови на ней нет, значит, не ранена, все хорошо...

– Джейн! – закричал Уильям. – Джейн! Где ты?

– Здесь! Зде... – Она внезапно замолчала, но Уильям уже увидел ее футах в десяти отсюда и нырнул в подлесок.

С нею было двое мужчин. Один зажимал ей рот ладонью, другой пытался снять штык с мушкета. Уильям ногой выбил у него из рук оружие и напал. Через миг дородный солдат

³ Подлецы! (нем.)

⁴ Трусы! (нем.)

сшиб его на землю – может, он и не знал, что делать со штыком, зато руками драться умел.

Они катались по земле, тяжело дыша и пропахивая борозды, сучья ломались под ними с сухим треском, похожим на выстрелы. Уильям услышал хриплый мужской крик – наверное, Джейн ударила его, умничка! – но все его внимание занимал противник, пытающийся его задушить. Уильям схватил его за запястья и, вспомнив Бана Тарлетона, дернул на себя и ударил лбом в лицо.

Прием сработал и на этот раз: раздался жуткий хруст, в лицо брызнула горячая кровь, хватка мужчины ослабла, и Уильям выполз из-под него. Кружилась голова, однако Уильяма ждал другой противник. Гессенец успел открутить штык и теперь держал его в руке.

– Вот, возьми! – напугав Уильяма, из кустов рядом с ним выскочила Джейн и что-то сунула ему в руку. Нож, слава богу! Со штыком не сравнится, но какое-никакое, а оружие.

Джейн все еще стояла рядом, Уильям схватил ее за руку и принялся отступать, угрожающе выставив в сторону гессенца нож. Может, это один из тех сукиных сынов, что ударили его по голове? Вполне возможно, хотя опознать его Уильям не мог – перед глазами плавали темные пятна, а мужчина сейчас был без зеленого мундира. Смутно подумалось – может, все сукины сыны носят зеленые мундиры?

Они вышли на дорогу, и там на них напали. Девушки снова завизжали, Уильям, кажется, пырнул ножом одного из

мужчин, а потом вдруг очутился на земле, глотая пыль. Он быстро поднялся, не дав одному из ублюдков пнуть себя в лицо... кто-то кричал, стучали копыта, Уильям выпустил руку мужчины и обернулся. По дороге на муле скакала Рэйчел Хантер, размахивая чепчиком и крича:

– Дядя Хирам! Кузен Сет! Быстрее! Сюда! Помогите мне!

Мул Уильяма поднял голову от травы, которую щипал, и криком поприветствовал мула Рэйчел. Для дезертиров это стало последней каплей: они замерли, вытаращив глаза, а потом повернулись и помчались за своим сбежавшим ранее товарищем.

Уильям какое-то время стоял, покачиваясь и тяжело дыша, потом опустил руку с ножом и резко сел наземь.

– А вы-то что здесь делаете? – Он и сам заметил, как раздраженно прозвучал его голос.

Рэйчел ничего не сказала. Спрыгнув с мула, она подвела его к мулу Уильяма и привязала к повозке. Потом подошла к Уильяму, стряхнула пыль с его колен и принялась осматривать его конечности.

– Вы, случайно, не видели двух девушек? – спросил Уильям, подняв на нее взгляд.

– Видела. Они убежали в рощу. А насчет того, что я здесь делаю... Я уже трижды проехала по этой дороге туда-сюда в поисках твоего кузена Йена Мюррея. – Она пристально посмотрела на Уильяма, будто ожидая, что он начнет возражать насчет своего родства с Мюрреем.

В иных обстоятельствах Уильям, может, обиделся бы, но сейчас у него на это не хватало сил.

– Если бы ты видел его, мертвым или живым, ты ведь сказал бы мне? – спросила Рэйчел.

– Да.

После удара, сломавшего дезертиру нос, на лбу вскочила шишка, и Уильям осторожно потер ее.

Рэйчел глубоко вздохнула, вытерла фартуком лицо и надела чепчик. Посмотрев на Уильяма, она покачала головой.

– Ты петух, Уильям, – мрачно сказала она. – Я замечала это в тебе раньше, но сейчас полностью убедилась.

– Петух, вот как, – холодно повторил он, стряхивая пыль с рукава. – Значит, вы считаете меня напыщенным, хвастливым задирой?

Рэйчел выгнула брови. Ее брови имели не классическую форму, они поднимались к вискам, и даже когда ее лицо было спокойным, придавали ему заинтересованный вид. А когда Рэйчел волновалась, выражение ее лица становилось несколько хищным. Вот как теперь. Впрочем, лицо Рэйчел снова расслабилось.

– Нет. Уильям, ты когда-нибудь держал кур?

– Несколько лет назад, – ответил он, изучая прореху у локтя мундира, рваную дыру в рубаше и окровавленную царапину на коже. Черт, один из этих мерзавцев успел ткнуть его штыком. – Потом некогда было, и мое знакомство с курицами ограничивалось обедами, на которых они присутствова-

ли в качестве блюд. А что?

– Видишь ли, петух – создание удивительной храбрости. Он бросается на врага, даже зная, что умрет, но это дает его курочкам время, чтобы сбежать.

Уильям дернул головой.

– Моим курочкам? – Кровь бросилась ему в лицо. – *Мои*? – Он посмотрел на рошу, в которой исчезли Джейн и Фанни, потом перевел взгляд на Рэйчел. – Вы не поняли, что они шлюхи?

Рэйчел раздраженно закатила глаза.

– Полагаю, я провела в армии больше времени, чем ты. Я встречала женщин, у которых нет имущества и защитников, и потому им приходилось прибегать к чудовищным средствам и продавать свои тела.

– Чудовищным? – повторил Уильям. – Вы понимаете, что я... Рэйчел топнула ногой и сердито посмотрела на него.

– Не мог бы ты перестать повторять за мной? Я пыталась сделать тебе комплимент – хотя я твой друг и буду опечалена, если твоя задиристость доведет тебя до могилы. Шлюхи эти девушки или нет и платишь ли ты за их услуги – не важно.

– Не важ... – негодуя начал было Уильям, но осекся, чтобы его снова не обвинили в повторении. – Ни черта я не плачу им!

– Не важно.

О боже, она сама повторила!

– В конце концов, ты и сам вел себя так по отношению ко мне.

– Вы... Я вел?

Рэйчел шумно выдохнула и выразительно посмотрела на него. Забудь она на миг о принципах квакеров, наверное, пнула бы его в лодыжку или наступила на ногу.

– Дважды, – нарочито вежливым тоном добавила она. – Неужели обстоятельства тогда были столь ничтожны или ты просто забыл?

– Напомните, – сухо сказал Уильям, отдирая от мундира порванный подклад, чтобы стереть с лица грязь и кровь.

Рэйчел фыркнула, однако сказала:

– Неужели ты забыл то гнусное создание, что напало на нас в том жутком месте по дороге в Нью-Йорк?

– Ах, это... – От воспоминаний екнуло в животе. – Я это делал не только ради вас. Вообще-то у меня тогда не было особого выбора, он пытался раскроить мне голову топором.

– К тебе прямо-таки мистически влечет маньяков с топорами, – нахмурившись, заметила Рэйчел. – Тот мистер Баг все-таки ударил тебя топором по голове. Однако, убивая его, ты защищал меня и Йена от подобной судьбы, так ведь?

– Да ну? – сердито сказал Уильям. – Откуда вам знать, может, я мстил ему за то, что он посмел напасть на меня?

– Ты, может, задирист, но не мстителен, – упрекнула его Рэйчел. Достав из кармана платок, она отерла лоснящееся от пота лицо. – Давай поищем твоих... спутниц?

– Давайте, – обреченно согласился Уильям и посмотрел в сторону рощи. – Однако они, скорее всего, убегут, если за ними пойду я.

Нетерпеливо фыркнув, Рэйчел вошла в рощу, ломаясь сквозь подлесок, будто голодный медведь. Уильям усмехнулся этому сравнению, но раздавшийся крик стер ухмылку с его лица. Уильям бросился за Рэйчел, но она уже возвращалась, таща за руку Джейн. Та пыталась отбиться свободной рукой, метя в лицо Рэйчел.

– Хватит! – рявкнул Уильям, схватил Джейн за плечи и вырвал из рук Рэйчел. Джейн тут же накинулась на него, но руки Уильяма были длиннее, и он без труда удерживал ее на расстоянии.

– Перестань! – сердито сказал он. – Никто здесь не причинит тебе вреда. По крайней мере, сейчас.

Джейн замерла, будто загнанное в угол животное, тяжело дыша и переводя взгляд с Уильяма на Рэйчел и обратно.

– Он прав, – медленно подходя к девушке, подтвердила Рэйчел. – Сейчас тебе ничего не грозит. Как тебя зовут?

– Ее зовут Джейн, фамилии не знаю, – ответил Уильям, ослабляя хватку, но готовясь снова вцепиться в плечи девушки, если она рванется.

Джейн не пыталась бежать, но и ничего не говорила. Ее платье было порвано у шеи, и она машинально ухватилась за края, пытаясь свести их вместе.

– Ты не видел мои вещи? – почти спокойным тоном спро-

сила она. – У меня там были швейные принадлежности. Мне нужна иголка.

– Я поищу, – миролюбиво предложила Рэйчел. – Они остались в лесу?

– Там! – резко воскликнула Фанни за спиной Уильяма, и он понял, что девушка стоит здесь уже какое-то время.

– Что там? – нетерпеливо спросил он, полуобернувшись к ней и одновременно пытаясь не спускать глаз с Джейн и Рэйчел.

– Там индеец! – сказала Фанни и ткнула пальцем в сторону рощи.

– Йен!

Проворно, будто бекас, Рэйчел перебежала через дорогу и исчезла в роще. Уильям поспешил за ней, держа руку на ноже. Индеец мог оказаться не один, а уж если это не Мюррей...

Хотя нет, все-таки Мюррей – судя по смешанному возгласу облегчения и ужаса, который издала Рэйчел.

Мюррей скорчился в тени большой сосны, полузасыпанный сосновыми иголками – видимо, он пытался спрятаться, но потерял сознание прежде, чем успел завершить свой труд.

– Он дышит, – с надеждой произнесла Рэйчел.

– Хорошо, – ответил Уильям и, присев рядом с Рэйчел, положил руку на плечо Мюррея, собираясь перевернуть того на спину.

Бесчувственное тело внезапно вскрикнуло, дернулось и

встало на колени. Покачиваясь и дико озираясь, Мюррей схватился за плечо, и Уильям с запозданием увидел засохшую кровь и свежие ручейки крови, вытекавшие из опухшей раны в плече, откуда торчала обломанная стрела.

– Йен, это я, – сказала Рэйчел. – Все хорошо. Я тебя нашла. Ее голос звучал твердо, но руки, когда она коснулась Мюррея, дрожали.

Мюррей хватанул ртом воздух, и его затуманенный взгляд стал осмысленным. Он посмотрел на Фанни и Джейн, потом на хмурого Уильяма, затем с облегчением на Рэйчел, закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– *Taing do Dhia*, – сказал он и сел.

– Воды! – потребовала Рэйчел, встряхнув пустую фляжку, которая лежала рядом с Йеном. – Уильям, у тебя есть вода?

– У меня есть, – сказала Джейн, берясь за висящую на шее фляжку. – Он поправится, как вы думаете?

Бледная от волнения Рэйчел не ответила – она поила Мюррея. Уильям заметил смазанную боевую раскраску на лице Мюррея, и его волосы встали дыбом при мысли о том, что тот мог убить кого-нибудь из английских солдат. Но этот паршивец хотя бы не носит на поясе скальпы.

Рэйчел тихо разговаривала о чем-то с Мюрреем, время от времени задумчиво поглядывая на Уильяма.

Как ни странно, он понял, о чем она думает. Впрочем, ничего удивительного в этом нет: он тоже задавался мыслью о том, сможет ли Мюррей ехать на муле. Пешком он далеко

не уйдет. А если не сможет... удастся ли Рэйчел убедить Уильяма отвезти ее и Мюррея в город на повозке?

Сердце екнуло при мысли о возвращении в Филадельфию.

Уильям обернулся к Джейн, но ни ее, ни Фанни уже не было рядом. Он почти встал, когда услышал протестующий рев мула Рэйчел. Через несколько секунд Уильям достиг дороги. Джейн безуспешно пыталась усадить Фанни в седло. Девчушка хваталась за щетинистую гриву мула и пыталась закинуть ногу на его спину, но мул решительно сопротивлялся, дергая головой и пятясь.

Уильям в три шага настиг Фанни и подхватил ее за талию.

– Отпусти его, малышка, – спокойно сказал он.

Несмотря на изящную фигурку, Фанни оказалась довольно увесистой. От нее пахло чем-то сладким, хотя шея была грязной, а одежда в пыли.

Уильям поставил девочку на землю и перевел взгляд на Джейн, которая смотрела на него с вызовом. Он успел немного изучить ее и знал, что вздернутый подбородок и стиснутые зубы означают испуг, и заговорил с ней гораздо мягче, чем мог:

– Ну и куда вы собрались?

– Я... ну, в Нью-Йорк, – неуверенно ответила она, стреляя глазами по сторонам, будто в поисках опасности.

– Без меня? Мадам, меня ранит ваше неожиданное неприятие. Молю, ответьте, чем я заслужил это?

Джейн поджала губы, но шуточный тон Уильяма отчасти

ее успокоил. Она была все еще красной от физического напряжения, однако дышала уже не так рвано.

– Полагаю, лорд Элсмир, нам следует расстаться. – Ее попытка говорить, как принято в высшем обществе, была трогательно-нелепой. – Я... мы теперь будем путешествовать сами.

Уильям сложил руки на груди, прислонился к повозке и свысока посмотрел на Джейн.

– Как? У вас нет денег, нет лошадей, и вы не пройдете пешком и пяти миль, чтобы не наткнуться на кого-то наподобие тех гессенцев.

– Я... у меня есть немного денег. – Она провела рукой по юбке, очерчивая выпуклость на месте кармана.

Тлевший глубоко внутри гнев полыхнул ярким пламенем.

– Где ты взяла их? – схватив Джейн за руку, резко спросил Уильям. – Разве я не запретил тебе продавать свое тело?

Джейн выдернула руку и отступила.

– У тебя нет никакого права запрещать мне делать то, что я хочу! – покраснев, выпалила она. – И хотя это не твоё дело, но я заработала свои деньги вовсе не лежа на спине!

– А как тогда? Предлагая мужчинам свою сестру?

Джейн вlepила ему хлесткую пощечину. Уильям понимал, что не должен был этого говорить, но это знание и горящая от удара щека лишь сильнее разозлили его.

– Следовало бы оставить тебя здесь, ты...

– Отлично! Именно это мне и нужно! Ты... ты...

Прежде чем кто-либо из них подобрал нужный эпитет, из рощи вышли Рэйчел и Йен. Высокий шотландец привалился к девушке, и Уильям, в последний раз зло глянув на Джейн, поспешил помочь Рэйчел и подставил свое плечо под тяжелое тело Мюррея. Тот напрягся, сопротивляясь, однако был вынужден принять его помощь.

– Что случилось? – спросил Уильям, кивая на обломок стрелы. – Личные счёты или случайный выстрел?

Мюррей нехотя усмехнулся.

– Наемники, – прохрипел он и сел у открытого борта повозки. Он дышал тяжело, будто загнанный бык, но вполне владел собой. Он коротко глянул на Уильяма и спросил: – Что ты делаешь здесь, *a fang Sassunaich*?⁵

– Не твое дело, я здесь случайно оказался, – ответил Уильям и, приняв решение, повернулся к Рэйчел. – Берите повозку и доставьте девушек куда-нибудь в безопасное место.

– Что... – Рэйчел осеклась, когда девушки пробежали мимо нее и скрылись в роще. – Куда они побежали?

– О боже, – вздохнул Уильям, кинувшись за ними. – Ждите здесь!

Девушки бежали медленней его и не умели прятаться в

⁵ Английский стервятник (*гэльск.*).

лесу, к тому же Фанни была неповоротливей сестры, и Уильям схватил ее за фартук, когда она перелезала через бревно. К его удивлению, она набросилась на него, пытаясь расцарапать лицо и крича:

– Беги, Двени, беги!

– А ну прекрати! – сердито воскликнул Уильям, удерживая ее на расстоянии вытянутых рук. – Ох! – Фанни укусила его за запястье, и он ее отпустил.

Фанни соскользнула с бревна и бросилась бежать, словно заяц, по-прежнему крича. Уильям кинулся было за ней, но остановился. С одной стороны, ему очень хотелось бросить их на произвол судьбы, а с другой... Вспомнилось, как Мак рассказывал ему о ржанках однажды, когда они сидели недалеко от Уотендлат-Тарн и наблюдали за птицами, поедая хлеб с сыром.

– Отстань, Мак, – пробормотал Уильям и отбросил воспоминания и о конюхе, и о Хелуотере. Но они все равно вернулись.

«Ржанки убегают и кричат, будто раненые, видишь? – Мак удерживал его за талию, не давая подойти слишком близко к порхающим птицам. – Но они всего лишь уводят тебя от гнезда, чтобы ты не раздавил их яйца или не ранил птенцов. Осмотрись, и ты увидишь их».

Уильям затаил дыхание и принялся медленно и тщательно осматриваться, едва двигая головой. Вот оно, гнездо ржанки, – Джейн не повезло, она надела сегодня розовое платье,

и ее зад розовел в десяти футах от Уильяма, будто пара яичек в гнезде.

Уильям не спеша подошел к ней. Хотелось шлепнуть ее по соблазнительной округлости, но он просто положил руку на ее спину.

– Попалась. Ты водишь.

Джейн вывернулась из-под его руки и вскочила на ноги.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду? – нервно косясь на него, сердито спросила она.

– Ты никогда не играла в салочки? – удивился он, чувствуя себя довольно глупо.

– А, так это игра. Понятно. Играла, но не долго.

Да уж, в борделе вряд ли играют в салочки...

– Послушай, мы хотим уйти, – скованно проговорила Джейн. – Я... я ценю то, что ты сделал для меня... для нас, но...

– Сядь. – Он подвел Джейн к бревну, через которое недавно перелезла ее сестра, и, надавив на плечо, заставил сесть. Затем сел рядом и взял ее за руку, маленькую, холодную и влажную от травы, в которой Джейн пряталась.

– Выслушай меня, – твердо, но не враждебно, как он надеялся, сказал Уильям. – Я не позволю вам сбежать. Это мое последнее слово. Если вы хотите идти в Нью-Йорк вместе с армией, я помогу вам, я уже это обещал. Если вы хотите вернуться в Филадельфию...

– Нет! – с неприкрытым ужасом воскликнула Джейн. Она

отчаянно попыталась выдернуть руку, но Уильям держал крепко.

– Это из-за капитана Харкнесса? Потому что...

Джейн вскрикнула раненой птицей, и Уильям крепче сжал ее запястье. Какие тонкие косточки, удивительно, что Джейн такая сильная.

– Я знаю, что ты украла горжет, – сказал Уильям. – Ничего страшного, никто этого не узнает. Обещаю, Харкнесс больше никогда тебя не тронет.

Она издала странный булькающий звук – то ли смешок, то ли всхлип.

– Полковник Тарлетон – помнишь, тот драгун в зеленом, который заигрывал с тобой? – сказал, что Харкнесс в самовольной отлучке и до сих пор не вернулся в полк. Ты об этом что-нибудь знаешь?

– Нет. Отпусти меня. Пожалуйста.

Прежде чем Уильям успел ответить ей, из-за деревьев донесся высокий, чистый голосок Фанни:

– Лушше скави ему, Двени.

– Фанни! – позабыв, что не свободна, Джейн рванулась к сестре. – Стой там!

Фанни вышла из-за деревьев.

– Если не скавешь ты, скаву я. Он не пведаст. – Ее большие карие глаза, не отрываясь, смотрели на Уильяма. Фанни подошла ближе, настороженная, но ничуть не испуганная. – Если я скаву тебе, ты обещаешь не уводить нас обватно?

– Куда обратно?

– В Филадельфию. Или авмию.

Уильям раздраженно вздохнул, но решил не применять силу. По-видимому, он ничего не добьется от девушек, пока не согласится на их условия. Впрочем, было у него некое недоброе предчувствие насчет того, что он услышит...

– Обещаю.

Однако Фанни попятилась, не веря.

– Клянись, – сложив руки на груди, потребовала она.

– Кля... ох. Черт. Ладно, клянусь честью.

Джейн невесело усмехнулась.

– Полагаешь, у меня нет чести? – уязвленно спросил Уильям, повернувшись к ней.

– Откуда мне знать, что такое честь? – возразила она, выпятив дрожащий подбородок.

– Ради собственной безопасности тебе лучше думать, что человек чести – это я, – ответил ей Уильям и повернулся к Фанни: – Чем мне поклясться?

– Головой матеви.

– Моя мать умерла.

– Тогда головой отца.

«Которого из двух?» – подумал Уильям и глубоко вздохнул.

– Клянусь головой отца, – спокойно произнес он.

И они рассказали ему все.

– Я знала, что он вернется, – сказала Джейн. Она сидела на бревне, зажав ладони между коленей и опустив взгляд на землю. – Они всегда возвращаются. Ну, те, которые плохие. – Голос ее звучал равнодушно, но губы на миг поджалась. – Им невыносимо думать, что ты можешь избежать... избежать. Хотя я полагала, что он выберет меня.

Фанни сидела рядом с сестрой и теперь обняла ее, и уткнулась лицом в плечо, обтянутое розовой тканью.

– Пвости, – прошептала она.

– Ничего, малышка. – Джейн похлопала Фанни по ноге, и лицо ее приняло жестокое выражение. – Ты не виновата и больше никогда – никогда! – так не думай.

У Уильяма от отвращения перехватило горло при мысли о том, что эту красивую девочку...

– Ее девственность стоит десять фунтов, – напомнила Джейн. – Миссис Эббот берегла Фанни для толстосума, которому нравятся неопытные девочки. Капитан Харкнесс предложил ей двадцать фунтов. – Джейн впервые за последнее время посмотрела в глаза Уильяму и сказала просто: – У меня столько не было, и я попросила миссис Эббот разрешить мне пойти вместе с Фанни – мол, со мной она меньше шуметь будет. Я ведь знала, какой он, Харкнесс. Он не из тех, кто по-простому сунет и делает свое дело. Он играет с тобой,

заставляет понемногу раздеваться и... и делать всякое... пока он говорит о том, что с тобой сделает...

Было нетрудно зайти Харкнессу за спину, пока он смотрел на Фанни. Джейн украла с кухни нож и вынесла его, пряча под юбками.

– Я хотела ударить его в спину, – опустив глаза, продолжила Джейн. – Я видела такое однажды. Но он все понял по лицу Фанни... она не виновата, она просто не сдержалась, – быстро добавила Джейн. – Но он тут же обернулся, и у меня не осталось выбора.

Она вонзила нож ему в горло и сразу же выдернула, собираясь ударить еще раз. Но в этом уже не было нужды.

– Все вокруг было в крови. – Джейн побледнела, ее руки нервно мяли фартук.

– Меня вывало, – призналась Фанни. – Там было увасно.

– Не сомневаюсь, – натянуто отозвался Уильям и невольно представил ту сцену: свечи, брызги крови, испуганные девушки... – Как вы сбежали?

Джейн пожалала плечами.

– Это была моя комната, а он закрыл дверь. Никто не удивился, когда Фанни начала кричать, – с горечью сказала она.

В комнате был таз с водой, кувшин и тряпки; девушки быстро обмылись, переоделись и вылезли из окна.

– Мы залезли в повозку какого-то фермера... остальное ты знаешь. – Джейн закрыла глаза, будто испытывая облегчение от того, что все это «остальное» уже позади, а потом

открыла их и мрачно посмотрела на Уильяма: – Что теперь будет?

Уильям задавал себе этот вопрос последние несколько минут. Зная Харкнесса, он сочувствовал Джейн, но...

– Ты спланировала это, – сказал он, пристально глядя на склоненную голову Джейн – ее лицо скрывали распущенные волосы. – Ты взяла нож, приготовила одежду для переодевания, ты знала, что нужно будет выбраться из окна и убежать.

– Ну и сто? – слишком равнодушным для девочки ее лет голосом спросила Фанни.

– Зачем понадобилось убивать его? – спросил Уильям, глядя на Фанни, но не выпуская из поля зрения Джейн. – Вы все равно собирались сбежать. Так почему не сбежали до его прихода?

Джейн вскинула голову и посмотрела Уильяму в глаза.

– Я хотела убить его.

От ее спокойного тона у него кожа покрылась мурашками.

– Я... понимаю.

Он представил, как маленькая белая ручка Джейн под визг сестры всаживает нож в толстое красное горло Харкнесса... и вдруг увидел между деревьями бледную Рэйчел. Похоже, она все слышала.

– Э-э... с Мюрреем все хорошо? – кашлянув, вежливо

спросил Уильям.

Широко распахнув глаза, Джейн и Фанни обернулись.

– Он в обмороке, – ответила Рэйчел, глядя на девушек так же, как они на нее, – со страхом. – Его плечо сильно воспалилось, я пришла спросить, есть ли у тебя бренди.

Уильям вынул из кармана и протянул Рэйчел серебряную фляжку с выгравированным на ней фамильным гербом Греев.

– Виски сгодится?

Рэйчел с удивленным видом взяла фляжку. Не многим нравится виски, однако лорд Джон его любит, и Уильям тоже к нему пристрастился. Однако теперь, узнав правду о постыдной примеси шотландской крови в своих жилах, Уильям не был уверен, что сможет когда-либо снова пить виски.

– Думаю, да. – Рэйчел замерла, одновременно желая вернуться к Мюррею и остаться.

Уильям был благодарен ей за это: он не останется один на один с Джейн и Фанни – точнее, ему не придется одному решать, что с ними делать.

Рэйчел правильно поняла выражение его лица и, пообещав вернуться, ушла к Мюррею.

Все молчали. Джейн снова опустила голову и села на бревно. Ее рука машинально поглаживала толстый шов на юбке. Фанни покровительственно погладила сестру по голове и бесстрастно посмотрела на Уильяма. Этот взгляд лишил его присутствия духа.

Что с ними делать? Разумеется, они не могут вернуться в Филадельфию. Оставить бы их здесь на произвол судьбы, но это недостойно...

– Почему вы не хотите идти в Нью-Йорк с армией? – неестественно громко и хрипло спросил Уильям. – Почему вы вчера сбежали?

Джейн медленно подняла голову, посмотрела на него затуманенным, словно мечтательным, взглядом.

– Я снова видела его. Того драгуна в зеленом. Он хотел, чтобы я пошла с ним прошлой ночью, а я не пошла. И вчера утром я снова увидела его и подумала, что он ищет меня. – Она сглотнула. – Я же говорила – я сразу вижу тех, кто не отступится.

– Ты проницательная, – не без уважения похвалил ее Уильям. – Не то что он. Он тебе с первого взгляда не понравился?

Уильям не рассчитывал, что его запрет торговать телом остановит Джейн, если ей этого захочется.

– Нет. – Она взмахнула рукой, будто отгоняя надоедливое насекомое. – Он уже приходил в бордель, в прошлом году. Он тогда выбрал не меня, другую девушку, но я поняла, что если он еще несколько раз увидит меня здесь, то может вспомнить, почему я показалась ему знакомой. Он как-то подошел ко мне, когда я стояла в очереди за хлебом, и сказал, что мое лицо ему кажется знакомым.

– Понятно. Значит, ты хочешь попасть в Нью-Йорк, но

только не с армией, правильно?

– Неважно. – Джейн сердито пожала плечами.

– Почему это?

– Когда-нибудь было важно то, чего хочет шлюха? – Вскочив, Джейн принялась раздраженно ходить по поляне. Уильям удивленно посмотрел на нее и повернулся к Фанни.

– Что не так?

Девочка с сомнением посмотрела на него, поджала на миг губы, но все-таки ответила:

– Она думает, ты мовешь отдать ее полисейскому или суду. Или кому-нибудь в авмии. Она ведь солдата убила.

Уильям поскреб щеку. Узнав о преступлении Джейн, он на миг подумал о том, чтобы предать ее справедливому суду.

– Я не сделаю этого, – сказал он, пытаясь говорить убедительным тоном.

Фанни исподлобья посмотрела на него.

– Почему?

– Отличный вопрос. И ответа у меня нет. Однако не думаю, что он мне нужен.

Уильям поднял бровь, и Фанни насмешливо фыркнула. Джейн стояла уже у дальнего края поляны, то и дело оглядываясь на Фанни. Ее намерения были ясны – однако она не уйдет без сестры.

– Ты сейчас стоишь рядом со мной, а не с сестрой, значит, не хочешь убежать и знаешь, что без тебя она не уйдет. Следовательно, ты не думаешь, что я предам ее в руки пра-

восудия.

Мрачно и медленно, словно сова, Фанни покачала головой.

– Двейн говорит, я ничего не внаю о мувщинах, но я внаю.

Уильям вздохнул.

– Видит бог, Фрэнсис, ты права.

До возвращения Рэйчел они больше не разговаривали.

– Я не могу поднять его, – посетовала Рэйчел Уильяму, не обращая внимания на девушек. – Поможешь?

Уильям сразу же встал, радуясь, что придется поработать руками, а не умом, но все же обернулся на Джейн. Та металась у дальнего края поляны, будто колибри.

– Мы будем вядом, – тихо сказала Фанни.

Уильям кивнул ей и ушел.

Мюррей лежал у края дороги, рядом с повозкой. Он был в сознании, однако от жара его взгляд затуманился, а речь сделалась невнятной.

– Я могу идти.

– Ни черта подобного, – возразил Уильям. – Держись за мою руку.

Он помог Мюррею сесть и осмотрел его раненое плечо. Не так уж и плохо – кость, похоже, цела, кровь течет несильно. Но плоть вокруг раны распухла и загноилась. Уильям украд-

кой принялся, однако Рэйчел это заметила.

– Гангрены нет, – сообщила она. – И вряд ли будет. Полагаю, рана заживет, если мы как можно скорее доставим его к доктору. Что ты собираешься делать с теми девушками?

Он не стал напоминать ей, что эти девушки не его. Сейчас он несет за них ответственность, значит, они все-таки его.

– Не знаю, – встав, признался Уильям.

Он посмотрел на рощу, но поляна была довольно далеко отсюда, и ни девушек, ни цветных пятен их платьев не видно.

– Они не могут вернуться в Филадельфию и не могут идти с армией. Лучшее, что я придумал – оставить их в какой-нибудь деревушке до тех пор, пока я не смогу переправить их... куда-нибудь в более безопасное место.

Где бы оно ни было... Может, в Канаде?

Рэйчел решительно покачала головой.

– Ты не знаешь, как общительны люди в маленьких деревушках – точнее, как быстро расходятся там слухи. – Она посмотрела на Мюррея, который сидел, покачиваясь и прикрыв глаза. – Девушки ничего не умеют, и всем сразу станет ясно, чем они зарабатывали на жизнь. Им нужно не просто убежище, а такое место, откуда их не выгонят после разоблачения.

Во время борьбы с Джейн синий ситцевый чепчик сполз с головы Рэйчел на плечи, и теперь стало видно, как ее загорелое лицо побледнело при взгляде на Мюррея. Сжав кулаки, она на миг закрыла глаза, потом выпрямилась и посмотрела

в глаза Уильяму.

– В двух часах езды отсюда есть маленькое поселение Друзей – три или четыре фермы. Я узнала об этом от женщины, которая пришла с мужем в Вэлли-Фордж. Девушки будут там в безопасности, по крайней мере, какое-то время.

– Нет! – воскликнул Мюррей. – Ты не можешь... – Глаза его затуманились, он, покачиваясь, оперся на здоровую руку, тяжело сглотнул и повторил: – Нет. Не... небезопасно...

– Он прав, – согласился Уильям. – Три девушки на дороге, без сопровождения? И даже без пистолета?

– Даже будь у меня пистолет, я не воспользуюсь им, – резко ответила Рэйчел. – Как и пушкой, если уж на то пошло.

Мюррей засмеялся – точнее, издал звук, похожий на смех.

– Тогда... – он умолк, глубоко вздохнул и посмотрел на Уильяма. – Их отвезешь ты. Я... останусь здесь.

– Ни черта подобного! – яростно возразила Рэйчел. Схватив Уильяма за руку, она подтолкнула его ближе к Мюррею. – Взгляни на него! Хоть ты ему скажи, раз уж он открыто заявляет, что не верит мне.

Уильям нехотя посмотрел на лицо Мюррея, бледное и в каплях пота. Вокруг его больного плеча вились мухи, а у Мюррея даже сил не хватало отогнать их.

– *Merde*⁶, – пробормотал Уильям и неохотно признал: – Она права. Если хочешь сохранить руку, тебе нужен доктор. Похоже, Мюррей об этом не задумывался. О смерти – да,

⁶ Черт (фр.).

но не об ампутации. Он склонил голову и, нахмурившись, посмотрел на раненое плечо.

Уильям повернулся к Рэйчел.

– Ладно, скажите мне, где это поселение. Я отвезу их.

Рэйчел поморщилась, комкая в руках юбку.

– Даже Друзья могут не очень хорошо воспринять появление незнакомца, который попросит их предоставить убежище убийце. Я же своя и смогу лучше, чем ты, объяснить ситуацию, в которой оказались девушки. – Она глубоко вздохнула и посмотрела на Мюррея, а потом на Уильяма: – Я отвезу девушек, а тебе придется позаботиться о Мюррее.

– Мне?

– Рэйчел! – прохрипел Мюррей, но та не обратила на него внимания.

– Да. Мы с девушками поедem на повозке.

Уильям резко выдохнул, однако признал, что так будет лучше. К тому же он видел, как нелегко Рэйчел далось решение помочь Джейн.

– Хорошо, – напряженно согласился он. Сняв с шеи горжет, он протянул его Рэйчел. – Отдайте это Джейн. Он может ей пригодиться, если они вдруг окажутся сами по себе.

Лишившись горжета, Уильям, к собственному удивлению, ощутил себя так, будто гора с плеч свалилась. Даже то, что в Филадельфии его могли арестовать, уже не так сильно волновало. Наверное, стоит снять и спрятать где-нибудь свой узнаваемый мундир и жилет...

Рэйчел вдруг подошла к нему, коснулась руки и пристально посмотрела в глаза.

– Я люблю этого мужчину всем сердцем, к тому же он твой родственник, что бы ты сейчас ни думал по этому поводу. И ради всех нас я вверяю тебе его жизнь.

Уильям пристально посмотрел на нее, обдумывая ответ, но ничего не сказал и лишь вежливо кивнул.

– Куда его отвезти? – спросил он. – К моей... к леди Дж... то есть, я хотел сказать, миссис Фрэ... о боже! – Кровь бросилась ему в лицо, и он на миг замолчал. – К его тете?

Рэйчел удивленно посмотрела на него.

– Ты не знаешь? Ох, разумеется, откуда тебе знать... – Она всплеснула руками, досадуя на собственное косноязычие. – Его тетю подстрелили во время сражения у Теннентской церкви, когда она ухаживала за ранеными.

Раздражение тут же улеглось, будто Уильяму на голову вылили ведро ледяной воды.

– Она умерла?

– Слава богу, нет.

Уильям слегка расслабился.

– По крайней мере, еще вчера она была жива, – нахмурившись, добавила Рэйчел. – Ранение довольно серьезное.

Уильям снова напрягся.

– Она в доме Маккенов, в деревушке Фрихолд, в шести милях отсюда. – Рэйчел кивком указала направление. – Мой брат, скорее всего, рядом с ней или где-то неподалеку – ра-

ненных до сих пор привозят. Он может осмотреть и рану и... Йена, – ее голос впервые сорвался при взгляде на жениха.

Глаза Мюррея запали и лихорадочно блестели, но ему еще хватило сил протянуть Рэйчел здоровую руку. При этом ему пришлось опереться на больную руку, и он невольно поморщился. Рэйчел тут же упала на колени рядом с ним и обняла, поддерживая.

Уильям кашлянул и отвернулся, давая им побыть наедине и попрощаться. Они это заслужили, какие бы чувства Уильям к ним ни испытывал. Не все раны заживают, и у Мюррея равные шансы как умереть, так и выжить. А с другой стороны, Мюррей разом шотландец и могавк, а эти расы жизнестойкие.

Уильям отошел от дороги и уловил за кустом розовый промельк.

– Джейн, это ты?

– Да. – Она вышла из-за куста, сложила руки на груди и выпятила подбородок. – Что ты собираешься делать? Со мной, я имею в виду?

– Мисс Хантер отвезет тебя и Фанни в безопасное место, – как можно ласковей сказал он – невзирая на показную смелость, Джейн напоминала ему испуганную лань: тень листьев пятнала ее лицо и платье, девушка казалась настороженной и нематериальной, словно вот-вот исчезнет в лесу. – Я дам тебе знать, когда сделаю... необходимые приготовления.

– Она? – Джейн удивленно глянула в сторону дороги. –

Почему она? Почему не ты отвезешь нас? Она разве не хочет остаться со своим... индейцем?

– Мисс Хантер объяснит вам все в дороге.

Уильям умолк, не зная, что еще сказать. От дороги доносились приглушенные голоса Рэйчел и Йена Мюррея. Слов было не разобрать, но и без того понятно, о чем они говорят. Под третьей пуговицей жилета остро кольнуло, и Уильям кашлянул, пытаясь прогнать эту боль.

– Спасибо, – тихо сказал кто-то позади него.

Уильям обернулся. Фанни. Девочка взяла его руку, повернула ладонью вверх и коснулась середки маленьким теплым ртом.

– Я... всегда пожалуйста, мисс Фанни. – Уильям невольно улыбнулся ей. Она с достоинством кивнула и пошла к дороге, оставив его наедине с Джейн.

Они посмотрели друг на друга.

– Я предлагала тебе гораздо больше, чем поцелуй, – тихо сказала Джейн. – Ты не захотел. Мне больше нечем отблагодарить тебя.

– Джейн, это не... я не... – он осекся, отчаянно сожалея о неспособности ответить хоть что-нибудь. И пожелал ей сквозь вставший в горле ком: – Доброго пути, Джейн. До свидания.

Глава 90

Мудрый сын знает своего отца

Мул у Рэйчел крепкий, однако он не сможет везти двоих мужчин комплекции Мюррея и Уильяма. Впрочем, им все равно нельзя быстро передвигаться. Мюррей поедет верхом, а Уильям пойдет рядом с ним и будет следить, чтобы этот засранец не свалился.

Мюррей сел в седло, помогая себе одной рукой – вторую, раненую, Рэйчел забинтовала оторванными от нижней юбки полосками ткани и вложила в перевязь. Уильям не предлагал им помощь, разумно рассудив, что ее не хотят и не примут.

Наблюдая за перевязкой, Уильям отметил, что ткань была застиранной и выцветшей, но по краю шла вышивка – маленькие голубые и желтые солнышки. Интересно, женщины квакеров всегда носят под чопорными платьями красивое нижнее белье?

Они тронулись в путь, звук удаляющейся повозки постепенно становился не слышен за шумом листвы.

– У тебя есть оружие? – внезапно спросил Мюррей.

– Есть кое-что. – В кармане Уильяма лежал нож, который дала ему Джейн. Ножен не было, и он завернул его в платок. Уильям тронул пальцами деревянную рукоять. Этим ли ножом она... Ну конечно.

– А у меня нет. Сделаешь мне дубинку?

– Не доверяешь мне охранять себя? – ехидно поинтересовался Уильям.

Мюррей ехал, ссутулившись и потряхивая головой в такт шагам мула, но сейчас он повернулся и посмотрел на Уильяма. Глаза его слипались от жара, но взгляд был неожиданно цепкий.

– Тебе-то я доверяю. Я не доверяю людям наподобие тех, с которыми ты недавно сражался.

Справедливое замечание: на дорогах сейчас небезопасно... Осознание этого вдруг отозвалось в Уильяме острым беспокойством за девушек, которых он отправил по этим самым дорогам без оружия и охраны, с ценным мулом и повозкой. Нужно было ехать с ними, настоять на том, что лучше путешествовать всем вместе...

– Мама всегда говорила, что нет упрямей человека, чем мой дядя Джейми, – тихо сказал Мюррей. – Однако, должен сказать, квакерская девушка, которая что-либо вбила себе в голову, переупрямит даже его. Я не сумел отговорить ее, не смог бы и ты.

Уильяму не хотелось ни обсуждать никого из упомянутых Мюрреем людей, ни вступать в философские диспуты о фамильном упрямстве. Он взялся за поводья и заставил мула остановиться.

– Побудь здесь, я поищу подходящую дубинку.

У дороги веток было мало – здесь недавно прошли фуражиры. Но чуть в стороне стояла небольшая ферма, окружен-

ная садом.

Сквозь сад проехала артиллерия: в земле пролегли глубокие колеи от колес, а ветви некоторых деревьев свисали, будто руки огородных пугал. Среди извилистых корней большой яблони скорчился мертвец – американский ополченец, судя по охотничьей рубашке и домотканым штанам.

– Никуда не годится, – глядя на яблоню, ровно сказал Уильям.

Старые яблони мало плодоносят. Их выкорчевывают через пятнадцать-двадцать лет и сажают в лунку новое дерево... Уильям отвернулся, однако успел еще заметить, как жужжащее облако мух взлетело с обезображенного лица трупа. Уильям отошел на несколько шагов, и его вырвало.

Приторный аромат гниющих яблок заглушал пороховую вонь, весь сад гудел от ос, пирующих на сочной яблочной мякоти. Уильям развернул нож и подвесил его к поясу, даже не поглядев, есть ли на лезвии засохшая кровь. Он вытер рот и, поколебавшись, вернулся и накрыл платком лицо мертвого повстанца. Труп уже обобрали – на нем не было ни оружия, ни обуви.

– Такая тебе подойдет? – Уильям положил поперек седла трехфутовую ветку от яблони. Он обломал ее с обеих сторон – один конец был толщиной с его предплечье, – получилась

вполне годная дубинка.

Мюррей словно очнулся от сна. Медленно выпрямившись, он взял дубинку и кивнул.

– Да, подойдет, – тихо ответил он хриплым голосом.

Уильям пристально посмотрел на него.

– Попей еще. – Он снова дал ему фляжку, заполненную еще примерно на четверть.

Мюррей деревянным движением взял ее, отпил и со вздохом вернул.

Примерно полчаса они шли в молчании – Уильям обдумывал утренние события. Сейчас уже перевалило за полдень, и солнце давило на плечи, будто горячий утюг. Сколько там, со слов Рэйчел, до Фрихолда? Шесть миль?

– Хочешь, скажу тебе кое-что? – внезапно предложил Мюррей.

– Что скажешь?

Мюррей издал звук, похожий то ли на смешок, то ли на возглас боли.

– Ты очень похож на него.

Возможные ответы пришли так быстро, что сложились друг под другом, будто карточный домик. Уильям взял первый попавшийся.

– Я должен этому удивиться? – ответил он с прохладцей, от которой делалось неуютно многим его собеседникам. Но Мюррея терзал жар, и заморозить его смогла бы разве что квебекская выюга.

– Я бы на твоём месте удивился.

Это замечание мгновенно уняло зарождающийся гнев Уильяма.

– Тебе это только кажется, – ответил он, даже не пытаясь скрыть раздражение. – Ты, быть может, знаешь его, но обо мне ты ничего не знаешь.

На сей раз это был несомненный смех, хриплый, скрипучий.

– Я помогал вытаскивать тебя из отхожей ямы десять лет назад. Именно тогда я впервые подумал об этом.

Уильям на миг онемел от потрясения.

– Что? В том месте... в горах... в Фрэзер-Ридже?! – Уильям почти забыл то происшествие со змеей в уборной и о жуткой поездке через горы Северной Каролины.

Мюррей принял гнев Уильяма за смущение и поспешил пояснить:

– Когда ты вылез из дерьма – синие глаза горят, на лице жажда убийства, – ты был вылитый дядя Джейми, когда он злится.

Мюррей опасно качнулся вперед, но удержался в седле и со стоном выпрямился.

– Если собираешься упасть, падай на другую сторону, хорошо? – с нарочитой вежливостью попросил Уильям.

Мюррей хмыкнул, и еще почти сотню ярдов они прошли в молчании, прежде чем он продолжил разговор – так, будто в нем не возникло паузы:

– Так что когда я нашел тебя в болоте, то знал, кто ты. Кстати, я не напомнил тебе тогда поблагодарить меня за спасение твоей жизни.

– Зато теперь уже ты можешь поблагодарить меня за то, что я не стал привязывать тебя к волокуше рядом с дохлой пантерой и тащить несколько миль по грязи, – парировал Уильям.

Мюррей рассмеялся, слегка задыхаясь.

– Да уж, ты бы это сделал, будь у тебя дохлая пантера. – От усилий, затраченных на смех, Мюррей еще больше ослаб и снова сильно покачнулся.

– Упадешь, и я обойдусь без дохлой пантеры, – пригрозил Уильям, схватив Мюррея за бедро в попытке удержать в седле.

О боже, он так и пышет жаром, это чувствуется даже сквозь кожаные штаны.

Невзирая на затуманенное сознание, Мюррей заметил его реакцию.

– Ты перенес жар, и я тоже перенесу, не волнуйся.

– Если ты хочешь сказать, что мне не нужно волноваться о твоей возможной смерти, то знай – меня она ничуть не волнует, – холодно сказал Уильям.

– Меня тоже, – уверил его Мюррей.

Он дрожал, поводья свободно лежали в руке, и Уильям задумался, не хватил ли Мюррея солнечный удар.

– Ты пообещал Рэйчел позаботиться обо мне?

– Да, – ответил Уильям и неохотно признался: – Я должен Рэйчел и ее брату за то, что они спасли мою жизнь. И тебе я тоже должен.

Мюррей согласно хмыкнул и умолк. Его загорелая кожа постепенно серела. На этот раз он молчал целых пять минут, прежде чем снова заговорить.

– А ты не думал, что я мог узнать о тебе многое, пока ты бредил в лихорадке несколько дней?

– Нет, не думал. И не думаю, что узнаю многое о тебе к тому времени, когда довезу до Фрихолда.

– Может, узнаешь больше, чем думаешь. Стой! Меня тошнит...

– Эй!

Мул послушно остановился, хотя ему не нравилось то, что происходило за его головой, и он бочком пошел по кругу, пытаясь сбежать от этих странных звуков и запахов.

Уильям дождался, пока все закончится, и молча передал Мюррею фляжку. Мюррей осушил ее и вернул. Руки его тряслись, и Уильям заволновался.

– Остановимся, как только я найду воду, – пообещал он. – Сядешь в теньке...

Шляп у них не было; Уильям свою спрятал вместе с мундиром под кустом еще в той роще.

Мюррей ничего не ответил, он еще не бредил, но уже, похоже, разговаривал мысленно.

– Я, быть может, знаю тебя не так хорошо, зато Рэйчел

знает, – вслух сказал он.

От этой неоспоримой правды Уильям испытал смешанное чувство стыда, гордости и гнева. Рэйчел и ее брат и в самом деле хорошо его знают. Они спасли его, выходили, путешествовали с ним несколько недель, деля и еду, и опасности.

– Она говорит, ты хороший человек.

У Уильяма защемило сердце.

– Я благодарен ей за хорошее мнение, – сказал он.

Вода, похоже, мало помогла – Мюррей покачивался в сиделе, полуприкрыв глаза.

– Если ты умрешь, я женюсь на ней, – громко сказал Уильям. Помогло: Мюррей тут же открыл глаза. И слабо улыбнулся.

– Знаешь что? Я не собираюсь умирать. К тому же ты должен мне жизнь, англичанин.

– Нет, не должен. Я тоже спас твою дурацкую жизнь. Я спас вас обоих от того маньяка с топором в Филадельфии... как там его, Баг? Мы квиты.

Спустя какое-то время Мюррей снова поднял голову и сказал:

– Сомневаюсь.

Глава 91

Счет

Джейми проводил Греев до порога и вернулся с чувством мрачного удовлетворения на лице. Смеяться было больно, и я просто улыбнулась.

– *Твой сын, твой племянник, твоя жена,* – сказала я. – Фрэзер – Грей: три – ноль.

Он озадаченно посмотрел на меня, но потом впервые за последние дни его лицо расслабилось.

– Тебе стало лучше. – Он подошел ко мне, встал на колени и поцеловал. – Скажи еще какую-нибудь нелепицу, а? – Он тяжело опустился на табурет и облегченно вздохнул. – Знаешь, не представляю, как я буду кормить тебя без денег, без офицерского чина, без какой-либо профессии. Но уж как-нибудь прокормлю.

– Так уж и без профессии? Назови хоть что-нибудь, чего ты не умеешь.

– Петь.

– Точно. А кроме этого?

Он положил руки на колени и критически посмотрел на искалеченную правую кисть.

– Вряд ли я смогу заработать на хлеб фокусами или карманничеством. Не говоря уж о переписывании бумаг.

– Тебе не нужно писать – у тебя есть печатный станок по

имени Бонни.

– Верно, есть. – Его глаза загорелись. – Но сейчас она в Уилмингтоне. – Ричард Белл позаботился о том, чтобы станок на корабле перевезли из Эдинбурга, и теперь, наверное, дожидался, чтобы вручить его владельцу, когда тот объявится.

– Мы заберем ее, а потом... – Я осеклась, не желая сглазить будущее долгосрочным планированием. Времена сейчас беспокойные, никто не знает, что принесет новое утро. Я взяла Джейми за руку. – Но сначала тебе нужно отдохнуть. Ты выглядишь так, будто вот-вот умрешь.

– О такой нелепице говорить не нужно! – Джейми засмеялся и тут же широко зевнул.

– Ложись, – решительно сказала я. – Поспи хотя бы до тех пор, пока лейтенант Биксби не принесет еще сыра.

Американская армия отошла в Инглиштаун, находящийся в семи милях отсюда – всего в часе езды верхом. Англичане свернули лагерь и куда-то ушли, но по дорогам все равно бродили люди: ополченцы, чей контракт с армией окончился, возвращались домой.

Джейми лег на тюфяк почти не протестуя – верный признак того, как сильно он устал, – и тут же уснул. Я и сама еще была слаба и быстро уставала даже от такой малости, как визит Греев, и потому легла и уснула, просыпаясь от малейшего шума. Однако Джейми спал крепко, и я с легким сердцем слушала его тихое, размеренное сопение.

Кто-то постучал во входную дверь внизу, и я, проснувшись, сонно подняла голову с подушки.

– Эй, есть кто-нибудь в доме? – раздался крик у двери.

Я сразу же насторожилась. Я знала этот голос.

Джейми еще спал, свернувшись как ежик. Мучительно медленно я спустила ноги с кровати. До окна было всего два шага, но я преодолела их осторожно, будто старая черепаха и не выпуская из рук спинку кровати. Навалившись на подоконник, я посмотрела вниз.

Во дворе стоял красивый гнедой мул, поперек его седла лежало полуобнаженное мужское тело. Я ахнула – боль тут же усилилась, но я осталась стоять, лишь сильно прикусила губу, чтобы не вскрикнуть. На мужчине были штаны из оленьей кожи, а в длинных темных волосах красовались два грязных индюшачьих пера.

– Иисус твою Рузвельт Христос, – процедила я сквозь стиснутые зубы. – Молю тебя, Господи, лишь бы он... – Ответ на мою молитву пришел раньше, чем я ее окончила: дверь внизу открылась, и из дома вышли Уильям и лейтенант Маккен. Они сняли Йена с мула, закинули его руки себе на плечи и унесли в дом.

Я повернулась, машинально потянувшись к медицинской сумке, и чуть не упала, но успела схватиться за спинку кровати. Однако при этом я невольно застонала, и Джейми тут же приподнялся и обвел комнату диким взглядом.

– Все... хорошо, – сказала я, расслабляя мускулы живо-

та. – Со мной все в порядке. Там Йен. Он вернулся.

Джейми вскочил на ноги, потряс головой и кинулся к окну. Он напрягся, и я, держась за бок, подошла к нему. Из дома вышел Уильям и подошел к мулу. Одет он был в довольно грязную рубаху и штаны, солнце зажигало в его каштановых волосах рыжие искры. Миссис Маккен сказала ему что-то от двери, и Уильям обернулся. Я не издала ни звука, но он все-таки взглянул вверх. И застыл. Джейми тоже замер.

Не изменившись в лице, Уильям повернулся к мулу, сел в седло и уехал. Джейми выдохнул.

– Давай я отведу тебя в постель, саксоночка, – тихо сказал он. – Мне нужно найти Денни и попросить его осмотреть Йена.

Глава 92

Я не оставлю тебя в одиночестве

Его напоили опиумом, прежде чем заняться раной на плече. Странное зелье. Он уже пил его когда-то, давным-давно, хотя и не знал тогда, как оно называется. Теперь Йен лежал на спине и медленно моргал, приходя в себя и пытаясь понять, где он и что произошло на самом деле. Наверняка большая часть того, что он сейчас видит, не имеет отношения к реальности.

Боль. Она настоящая, ее можно использовать как якорь. Боль еще не полностью утихла – Йен был в этом уверен, пусть и смутно: после сна, вызванного бурым зельем, мысли текли словно грязный ручей. Сосредоточиться удавалось с трудом, но Йен заставил себя осмотреться в поисках чего-нибудь знакомого.

И сразу же это увидел.

Девушка. Малышка... Черт, как же ее...

– Рэйчел, – прохрипел он. Девушка тут же оставила свое занятие и подошла к нему. Лицо ее было встревоженным и вместе с тем сияло.

– Рэйчел? – неуверенно повторил он.

Она прижала к груди его здоровую руку, взгляделась в лицо и тихо сказала:

– Ты проснулся. Кожа у тебя горячая, значит, жар еще не

прошел. Как ты себя чувствуешь?

– Мне лучше оттого, что я вижу тебя, малышка. – Он попытался облизнуть сухие губы. – Здесь есть вода?

Устало вздохнув, она поднесла к его рту чашку. Вкуснее он ничего не пил, и особую прелесть этому придавало то, что Рэйчел поддерживала его голову. Его начало подташнивать. Йен не хотел останавливаться, но Рэйчел убрала чашку.

– Чуть позже дам еще, – пообещала она. – Тебе нельзя пить слишком много или слишком быстро, иначе тебя стошнит. Мы и без того намучились, отмывая тебя от грязи, крови и прочего.

Йен хмыкнул и лег. Он и в самом деле был довольно чистым. Кто-то смыл с него олений жир и краску, а также большую часть крови и пота. Плечо перевязано, от него пахнет чем-то терпким и знакомым, но затуманенное сознание не помнило названия этой травы.

– Это тетушка Клэр перевязала мою руку?

Рэйчел посмотрела на него и нахмурилась.

– Твоя тетя больна. Помнишь, я говорила тебе, что ее ранили – подстрелили в бою?

– Нет. – Йен смутился: он не помнил ни того, что происходило в последние два дня, ни битвы. – Что... С ней все хорошо?

– Денни удалил пулю, а твой дядя Джейми сидит с Клэр. Оба твердо уверены, что она поправится. – Уголки ее губ дрогнули в слабой встревоженной улыбке. Йен постарался

улыбнуться в ответ.

– Значит, так и будет. Дядя Джейми очень упрямый. Возможно мне еще воды?

В этот раз он пил медленней, а Рэйчел отняла чашку позже. Откуда-то доносилось равномерное звяканье, поначалу Йен принял это за слуховую галлюцинацию, но звук вдруг оборвался, сменившись ругательством.

– Что... где мы? – спросил Йен, ощутив в себе достаточно сил, чтобы еще раз осмотреться.

Они находились в небольшом хлеву. Пахло свежим сеном и теплым коровьим навозом. Однако коровы сейчас здесь не было, а Йен лежал на охапке сена, накрытой одеялом.

– Это место называется Фрихолд, – пояснила Рэйчел. – Сражение произошло неподалеку. Вашингтон и его армия бежали в Инглиштаун, но местные жители дали приют многим раненым. Мы же наслаждаемся гостеприимством кузнеца, джентльмена по фамилии Хьюган.

Кузница, значит. Вот откуда звяканье металла и ругательства. Йен смежил веки – это помогало справиться с тошнотой, однако разные образы из снов все равно представляли перед внутренним взором, и он снова открыл глаза. Рэйчел по-прежнему здесь. Хорошо.

– Кто выиграл сражение?

Она пожала плечами.

– Судя по всему, никто. Американцы хвастают, что их не победили. Но и англичане не проиграли. Однако моя забота

– ты. И ты поправишься. – Она нежно коснулась его лба. – Я так сказала. А я упряма, как любой шотландец, чье бы имя ты ни назвал – включая тебя самого.

– Я должен сказать тебе кое-что, малышка, – Йен не соби-
рался говорить это слово, но оно слетело с губ так привычно,
будто он уже много раз произносил его.

– Надеюсь, не в том же духе, что недавно? – Рэйчел оста-
новилась вполоборота к нему и посмотрела обеспокоенно.

– Я что, разговаривал, пока?.. – Он пытался изобразить
рукой свое недавнее состояние, но даже здоровая рука была
тяжелой, будто свинец.

Прикусив верхнюю губу, Рэйчел пристально смотрела на
него.

– Кто такая Гейлис? – резко спросила она. – И что, во имя
всего святого, она тебе сделала?

Йен удивленно моргнул, испытывая при этом облегчение.
Да, именно это ему привиделось... о боже... Облегчения как
не бывало.

– Что я говорил? – встревоженно спросил он.

– Если ты не помнишь, то я не хочу напоминать тебе об
этом. – Шурша юбками, Рэйчел опустилась на колени рядом
с ним.

– Я помню, что случилось. Я всего лишь хочу знать, о чем
я говорил.

– Что случилось... – медленно повторила Рэйчел, не сво-
дя с него глаз, – в твоих видениях? Или... – Она умолкла и

тяжело сглотнула.

– И там, и там, малышка, – тихо сказал Йен и коснулся руки Рэйчел. – Я говорил о Гейлис Абернатти?

– Ты просто сказал «Гейлис». – Рэйчел накрыла его руку своей. – Ты был испуган. И кричал от боли – разумеется, ты испытывал боль, так что... но потом... что бы ты ни видел, это...

Ее шея и лицо медленно покраснели. Снова соскользнув в бред, Йен на миг увидел Рэйчел в облике орхидеи с темной горловиной, куда он мог бы погрузить свой... Тяжело дыша, он отбросил это видение.

– Кажется, ты испытывал не боль, а нечто иное. – Рэйчел нахмурилась.

– Верно, – согласился он и сглотнул. – Можно мне еще воды? Рэйчел напоила его, не сводя пристального взгляда, подразумевавшего, что она не даст отвлечь себя от интересующего вопроса.

Йен вздохнул и лег.

– Это было давным-давно, *a nighan*, так что сейчас тебе не о чем беспокоиться. Лет в четырнадцать меня забрали... похитили. Пока дядя искал меня, я какое-то время жил на Ямайке с женщиной по имени Гейлис Абернатти. Жилось мне там не очень хорошо, правда, и вреда мне тоже не причинили.

Рэйчел выгнула изящную бровь. Йену нравился этот жест, иногда даже больше остальных.

– Там были и другие подростки, но им не так повезло...

Потом он долго еще боялся засыпать, потому что их лица вставали перед глазами. Но воспоминания о них постепенно тускнели, и теперь он ощутил вину за то, что позволил им кануть во тьму.

– Йен... – Рэйчел провела ладонью по его небритой щеке – приятное до мурашек ощущение. – Тебе не обязательно рассказывать. Не хочу, чтобы ты об этом вспоминал.

– Ладно. Я расскажу тебе об этом, но позже. Это старая история, и тебе не обязательно слушать ее прямо сейчас. Но...

Он осекся, и она выгнула обе брови.

– Но я должен рассказать тебе о другом, малышка...

Многое еще из событий последних двух дней оставалось для него загадкой, но Йен ясно помнил двоих абенаки, которые охотились на него. И он рассказал Рэйчел о них и о том, что сделал в английском лагере.

Рэйчел молчала так долго, что Йен засомневался – может, он ведет этот разговор во сне?

– Рэйчел? – позвал он и беспокойно поерзал на колючем сене.

В открытую дверь хлева падал свет, но Йен не мог прочесть по лицу Рэйчел абсолютно ничего. Ее светло-карие глаза смотрели на его лицо, но так отрешенно, будто она глядела сквозь него. Йен испугался, что это так и есть.

Снаружи ходил туда-сюда кузнец, позвякивая металлом и хрипло ругаясь. Йен слышал даже, как нервными толчками

бьется его собственное сердце.

Наконец Рэйчел вздрогнула, будто просыпаясь ото сна, и положила руку на его лоб. Ласково откинула назад его волосы и посмотрела в глаза. На сей раз ее взгляд был нежным и бездонным. Ее палец медленно прошелся по татуировке на его скуле.

– Полагаю, ждать больше нельзя, мы должны пожениться как можно скорее. Я не хочу, чтобы ты сталкивался с подобным один. Времена сейчас лихие, мы должны быть вместе.

Он закрыл глаза и выдохнул. Потом умиротворенно вздохнул и прошептал:

– Когда?

– Как только ты сможешь ходить самостоятельно, – ответила Рэйчел и поцеловала его легко-легко – будто упавший лист коснулся губ.

Глава 93

Дом на каштановой улице

Дом не пустовал – из трубы в западном крыле поднимался дым. Однако дверь оказалась заперта.

– Интересно, что случилось с прежней дверью? – сказал Джон Хэлу, на всякий случай еще раз потянув за ручку. – Она была зеленой.

– Если ты постучишь в эту дверь, то, вполне возможно, кто-нибудь выйдет и ответит на твой вопрос, – предложил Хэл.

Оба они были в гражданской одежде, но Хэл заметно нервничал. Впрочем, он начал нервничать еще после встречи с генералом Арнольдом.

Генерал-губернатор принял их холодно, однако держался вежливо. Трижды или четырежды прочтя письмо Фрэзера, он разрешил им войти в город и провести любые расследования, которые понадобятся.

– Надеюсь, вы понимаете, – в голосе генерала прорезалась пресловутая надменность, – что если будете вести себя неподобающе, вас арестуют и выставят из города на штакетине.

– На чем? – недоверчиво переспросил Хэл, не знакомый с этим специфическим американским методом, который давал гостям понять, что они нежеланные.

– На штакетине, – радушно улыбаясь, повторил Ар-

нольд. – Длинная доска, знаете? Ее используют при постройке заборов.

Хэл повернулся к Джону и поднял бровь, будто прося его перевести речь какого-нибудь случайно встреченного готтента. Джон мысленно вздохнул, но пояснил:

– Того, кого хотят выпроводить из города, сажают на эту самую штакетину, как на лошадь. Потом несколько человек берутся за оба конца доски, идут по улицам и выносят всадника из города. Полагаю, иной раз изгоняемого предварительно обливают смолой и обваливают в перьях, хотя физического воздействия штакетника обычно бывает достаточно.

– Яйца сплющиваются так, будто на них конь наступил, – улыбаясь, подсказал Арнольд. – Заду тоже нелегко приходится.

– Полагаю, так и есть, – вежливо ответил Хэл.

Лицо его слегка покраснело, но больше он ничем не выказал своей обиды – верный признак того, что их миссия важна для Хэла. Хотя Грей и не нуждался в подобном подтверждении.

Воспоминания его прервал скрежет отодвигаемого засова. Дверь распахнулась, и на пороге возникла домоправительница-повариха с охотничьим ружьем в руках.

– Лорд Джон! – ахнула она, уронив ружье.

– Собственной персоной, – сказал Джон, поднимая ружье и улыбаясь миссис Фигг – по-прежнему массивной, аккуратной и в одежде, украшенной ленточками. – Рад снова видеть

вас. Позвольте представить вам моего брата...

– Мы знакомы, – с толикой недовольства заявил Хэл. – Как поживаете, мадам?

– Судя по вашему виду, лучше, чем вы, ваша светлость. – Миссис Фигг сузила глаза. – Впрочем, как я погляжу, вы еще дышите. – Судя по тону, этот факт ей не нравился.

Хэл широко улыбнулся.

– Вы успели закопать столовое серебро?

– Разумеется, – с достоинством ответила та и повернулась к Джону. – Вы пришли за ним, милорд? Я могу прямо сейчас выкопать его.

– Возможно, позже, – сказал Джон и осмотрелся. В перилах наверху не хватало балясины, а стена у лестницы была чем-то испачкана. – А что случилось с люстрой?

Миссис Фигг вздохнула и мрачно покачала головой.

– Это дело рук мастера Уильяма. Как он, милорд?

– К сожалению, не знаю. Я надеялся встретить его здесь... но, похоже, его здесь нет?

Миссис Фигг встревожилась.

– Нет, сэръ. Мы не видели его с... э-э... с того дня, как вы сами пропали. – Она окинула его пристальным взглядом, отметив и обрезанные волосы, и заживающие синяки, и невзрачную одежду. Покачав головой, миссис Фигг вздохнула, однако тут же расправила широкие плечи и весело сказала: – Рада видеть вас, милорд! И вас, ваша светлость, – добавила она после короткого раздумья. – Располагайтесь, а я

через пару минут принесу вам замечательный чай.

– У вас есть чай? – просветлел лицом Хэл.

– Ящичек с чаем мы закопали в первую очередь, – пояснила миссис Фигг. – Но я только что достала немного для мисс Дотти, так что...

– Дотти здесь?

– Разумеется. – Миссис Фигг с радостью выступила разносчиком добрых вестей. – Я схожу на кухню и позову ее.

Однако это оказалось не нужным – звук открывающейся задней двери оповестил о появлении Дотти. В фартуке у нее лежало что-то округлое. Кабачки – их желто-зеленый поток хлынул на пол, когда Дотти бросилась обнимать отца.

– Папа!

На миг лицо Хэла полностью изменилось, смягчившись, и Грей с удивлением и смятением ощутил, как к глазам подступают слезы. Он отвернулся, моргая, и отошел к буфету. Пусть отец и дочь побудут наедине.

Серебряный чайный сервиз, конечно же, исчез, однако мейсенские фарфоровые тарелочки по-прежнему стояли на узкой полке. Грей тронул позолоченный волнистый край тарелки, чувствуя себя здесь чужим.

«...и место его не будет уже знать его»⁷.

– Я так рада, что вы оба живы и оба сейчас *здесь!*

Дотти обращалась к ним обоим, и Грей с улыбкой повер-

⁷ «Не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его» (Книга Иова, 7:10).

нулся к ней. Щеки ее разругались, глаза сияли – и у Грея сжалось сердце от осознания, что ее радость омрачится, как только Хэл расскажет причину их возвращения. Но прежде чем ее постигла эта участь, Дотти перехватила поводья разговора и направила его совершенно в иную сторону.

– Раз уж вы здесь... дядя Джон, можно нам воспользоваться твоим домом? Для свадьбы? Пожалуйста, пожалуйста?!

– Свадьбы? *Твоей* свадьбы? – Хэл нежно высвободился из объятий дочери и кашлянул.

– Ну разумеется, моей, папа! Не будь таким глупым. – Дотти ласково улыбнулась дяде и кокетливо положила руку ему на рукав. – Можно, дядя Джон? Мы не сможем пожениться в Доме собраний, но для должной свадьбы по законам Друзей нам нужны свидетели. Вряд ли папа захочет, чтобы мы женились в гостинице или таверне. Правда? – Она повернулась к отцу, который напустил на себя прежнюю сдержанность.

– Ну разумеется, дорогая моя племянница, – согласился Грей, осматривая гостиную. – Если я все еще буду владеть этим местом ко дню вашей свадьбы. Когда она состоится и скольких свидетелей нужно будет разместить?

Коллебаясь, Дотти постучала ногтем по зубам.

– Точно не знаю. Придут несколько Друзей, которых отлучили от собрания за то, что они, подобно Денни, вступили в Континентальную армию. И еще несколько друзей... друзей с маленькой буквы, не примите это за неуважение к ним, я всего лишь хочу сказать, что они не квакеры, – если они еще

в Филадельфии, конечно. И, наверное, семья? – Она искоса глянула на отца.

Джон подавил улыбку. Хэл на миг закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Да, я приду на твою свадьбу, – смиряясь, согласился он. – Генри тоже придет, даже если мне придется притащить его за шиворот. Полагаю, миссис Вудкок тоже нужно пригласить, – без энтузиазма предложил он. – Но, разумеется, Адам... и Бен...

Джон решил было, что Хэл сейчас расскажет ей все, но брат умолк и решительно поджал губы. Хэл не смотрел на него, но Джон уловил его мысль – «Не сейчас, ради бога, пусть она подольше побудет счастливой» – так ясно, будто брат произнес ее вслух.

– Их не будет, а жаль, – грустно произнесла Дотти и посмотрела отцу в глаза. – Сочувствую маме. Я написала ей.

– Правда, милая? – спросил Хэл почти нормальным голосом. – Ты поступила очень заботливо. Ты хочешь сказать мне что-то еще? – Прищурившись, он склонил к ней голову.

– Ох. – На ее щеки вновь вернулся румянец, и Дотти принялась рассеянно мять фартук. – Видишь ли... Ты знаешь, что Рэйчел – сестра Дензила – помолвлена с Йеном Мюррем? Это племянник мистера Фрэзера... ох нет, нельзя употреблять слово «мистер», прошу прощения. Ты знаешь...

– Знаю, – ответил Хэл тоном, пресекающим дальнейшие расспросы. – Я имею в виду, что знаю, кто это. Что ты хочешь

сказать, Дотти? Говори без околичностей, пожалуйста.

Дотти фыркнула, однако ничуть не смутилась.

– Ладно. Рэйчел и Йен хотят пожениться как можно скорее, как, впрочем, и мы с Денни. Раз уж свидетели придут, почему бы не отпраздновать обе свадьбы сразу?

Хэл все-таки посмотрел на Джона. Тот выглядел не менее ошарашенным.

– Э-э... хорошо. Полагаю, будут еще гости? Включая вышеупомянутого мистера Фрэзера? Уж извини за то, что употребляю это слово, но я привык к подобным социальным излишествам.

– Да. Рэйчел говорит, что миссис Фрэзер уже лучше и они вернутся в Филадельфию завтра или послезавтра. Разумеется, на свадьбе будут также Фергус и его жена Марсали, быть может, с детьми. Не знаю, есть ли еще какие-нибудь друзья... вряд ли у Йена найдутся родственники-могавки поблизости...

– Один, два, три, четыре, пять... – Джон отвернулся и начал пересчитывать небольшие позолоченные стулья, которые стояли у обшитой деревянными панелями стены. – Полагаю, их может не хватить, Дотти, если только...

Миссис Фигг откашлялась. Прозвучало это так внушительно, что все замолчали и посмотрели на нее.

– Прошу прощения, мэ, джентльмены, – сказала она, и ее круглое лицо слегка порозовело от смущения. – Не хочу забегать вперед, но так вышло... я поговорила с преподоб-

ным Фиггом о том, что мисс Дотти и квакеру Дензилу нужно место для свадьбы.

Она еще раз кашлянула, на темной коже проступил румянец. Грею она в этот миг напомнила только что выстрелившую пушку.

– И... в общем, мэм и джентльмены, преподобный и его паства будут рады, если венчание пройдет в новой церкви, в которую вы так любезно вкладывали деньги. Она не настолько изысканная, конечно, но...

– Миссис Фигг, вы чудо! – Грей взял ее за руку, что изумило женщину до немоты. Заметив это, он тут же выпустил руку, зато Дотти с благодарным возгласом внезапно обняла домоправительницу и поцеловала. Это было воспринято спокойно, зато когда Хэл поцеловал ей руку, миссис Фигг чуть не задохнулась от удивления и, выдернув руку, поспешно ретировалась, бормоча что-то несвязное о чае и едва не споткнувшись о кабачки.

– Бракосочетание в церкви вам подходит? – спросил Хэл Дотти, убедившись, что миссис Фигг их не услышит. – Надеюсь, это не как у евреев? Не придется проходить обрезание, чтобы присутствовать на церемонии? Ведь если это так, количество гостей на свадьбе изрядно сократится.

– Наверяд ли вам... – неуверенно сказала Дотти, но ее внимание привлекло что-то за окном. – Боже мой, это же...

Не заботясь о том, чтобы завершить недосказанную мысль, она подбежала к двери и распахнула ее. На пороге

стоял Уильям.

– Дотти, что... – Заметив Джона и Хэла, Уильям осекся и изменился в лице.

По спине Джона прошла дрожь – подобный взгляд он не раз видел у Джейми Фрэзера, но никогда – у Уильяма. Взгляд человека, которому ничуть не нравится происходящее, но он считает себя должным разобраться с ним.

Уильям вошел, не дав Дотти себя обнять, снял шляпу и поклонился Дотти, затем отвесил тщательно выверенные поклоны Джону и Хэлу.

– К вашим услугам, мэм, сэры.

Хэл фыркнул и оглядел племянника с ног до головы. Уильям был одет почти как Джон и Хэл, в гражданское, но лучшего покроя и качества. Скорее всего, это его собственная одежда.

– Скажи на милость, где тебя черти носили последние три дня?

– Не скажу, – отрубил Уильям. – А вы что здесь делаете?

– Во-первых, ищем тебя, – опередив Хэла, спокойным тоном ответил Джон и положил ружье на каминную полку. Хэл легко мог до него дотянуться, но Джон здраво рассудил, что ружье вряд ли заряжено. – А во-вторых, капитана Ричардсона. Ты его, случайно, не видел?

Удивленное выражение лица Уильяма заставило Джона мысленно вздохнуть от облегчения.

– Нет. – Уильям настороженно посмотрел на мужчин. –

Вы для этого побывали в штабе Арнольда? Искали Ричардсона?

– Да. Откуда ты... – удивился Джон, но тут же улыбнулся: – Значит, ты наблюдал за штабом? А я-то удивился, как это ты так быстро появился здесь. А ты следил за нами от штаба генерала.

Уильям кивнул и взял стоявший у стены стул.

– Так и есть. Сядьте. Нужно многое обсудить.

– Звучит зловеще, – пробормотала Дотти. – Пожалуй, принесу бренди.

– Будь любезна, скажи миссис Фигг, что нам нужно бренди пятьдесят седьмого года, – попросил Джон. – Если оно не зарыто, конечно.

– Скорее всего, алкоголь в колодце. Сейчас принесу.

Спустя некоторое время пришла миссис Фигг с подносом, на котором тонко позвякивали чайные принадлежности. Она извинилась за скромного вида кувшин, в котором исходил паром напиток, и вскоре все получили по дымящейся чашечке чая и маленькому бокалу бренди пятьдесят седьмого года.

– Спасибо, милая, – сказал Хэл, беря у Дотти бокал, и добавил: – Тебе не нужно оставаться при этом разговоре.

– А я бы предпочел, чтобы ты осталась, – спокойно возразил Уильям, не сводя глаз с Хэла. – Ты должна кое-что узнать.

Мельком глянув на отца, собиравшая рассыпанные кабачки Дотти села на оттоманку напротив Уильяма.

– Расскажи, – попросила она.

– Ничего предосудительного, – заверил Уильям нарочито спокойным тоном. – Просто я недавно обнаружил, что мой настоящий отец – Джейми Фрэзер...

Дотти ахнула и посмотрела на Уильяма с интересом.

– Мне всегда казалось, что генерал Фрэзер мне кого-то напоминает! Вот оно что! Боже мой, Уильям, ты и в самом деле на него похож!

Уильям удивился, однако быстро взял себя в руки.

– Он теперь генерал? – спросил он Хэла.

– Был генералом, но отказался от должности.

Уильям невесело усмехнулся.

– Правда? Я тоже.

Какое-то время все молчали.

– Почему? – поинтересовался Джон, осторожно поставив тихо звякнувшую чашку на блюдце.

– Как такое возможно, если ты фактически военнопленный? – нахмурившись, спросил Хэл.

– Не знаю, – сухо ответил Уильям на оба вопроса. – Однако я это сделал. А теперь насчет капитана Ричардсона... – И он рассказал о недавней странной встрече с Дэнисом Рэндоллом-Айзек-сом. – Точнее, сейчас он себя называет Дэнисом Рэндоллом. Не хочет, по-видимому, напоминать, что его отчим – еврей.

– Разумно, – коротко согласился Хэл. – Мне он незнаком. Что еще ты знаешь о нем, Уильям? Что его связывает

с Ричардсоном?

– Не имею ни малейшего представления, – признался Уильям и, осушив чашку, налил себе еще чая. – Но что-то их, безусловно, связывает. Поначалу я думал, что Рэндолл, быть может, работал с Ричардсоном или на него.

– Возможно, до сих пор работает, – слегка напряженно предположил Джон. Он и сам много лет служил разведчиком и не был склонен принимать за чистую монету сказанное другими разведчиками.

Уильям на миг оторопел, однако неохотно кивнул.

– Хорошо, но скажите мне, на кой черт вам обоим сдался Ричардсон?

И они рассказали ему.

В конце рассказа Хэл встревоженно сел на оттоманку рядом с Дотти и обнял ее за вздрагивающие плечи. Она тихо рыдала, и Хэл осторожно промакивал слезы с ее лица платком, напоминавшим, скорее, грязную тряпку – ему все-таки пришлось послужить парламентерским флагом.

– Я в это не верю, – упрямо повторил Хэл в шестой или седьмой раз. – Слышишь, милая, не верю! И не хочу, чтобы ты верила.

– Н-нет, – покорно согласилась она. – Нет... я не буду верить. Ох, Бен!

Пытаясь отвлечь Дотти, Джон спросил Уильяма:

– Скажи, что привело тебя в Филадельфию? Вряд ли поиски капитана Ричардсона – покидая лагерь, ты еще не знал,

что он исчез.

– Я приехал по личному делу, – ответил Уильям тоном, предполагавшим, что это дело все еще личное и останется таковым. – А еще... – Он поджал губы, вновь до странности напомнив Джейми Фрэзера. – Я собирался оставить это для вас здесь, на случай, если вы вернетесь в город. Или попросить миссис Фигг отослать его в Нью-Йорк... – Уильям умолк, вынул из-за пазухи письмо и тут же снова убрал его. – Но теперь в этом нет нужды. В нем написано всего лишь то, о чем я вам сейчас рассказал. – Однако его скулы слегка покраснели, он избегал смотреть на Джона, вместо того обращаясь к Хэлу: – Я поеду и разузнаю о Бене. Я уже не солдат, больше нет опасности, что меня примут за шпиона. И мне гораздо проще путешествовать, чем вам.

– Ох, Уильям! – Дотти взяла у отца платок, изящно высморгалась и посмотрела на кузена влажными глазами. – Ты и в самом деле поедешь? Спасибо тебе!

Разумеется, этим дело не кончилось. Однако для Грея не стало открытием, что Уильям упрям – в конце концов, он это унаследовал от своего настоящего отца, и спорить с ним мог разве что Хэл, да и то их спор быстро сошел на нет.

– Передайте миссис Фигг мои наилучшие пожелания, – поднявшись, сказал Уильям Джону и поклонился Дотти: – До свидания, кузина.

Джон проводил его до двери, но у порога положил руку ему на плечо.

– Уилли, дай мне письмо.

Впервые за их встречу Уильям выказал нерешительность.

Он коснулся груди и замер.

– Я прочту его, только если ты не вернешься. И если ты не вернешься... я хочу, чтобы оно осталось у меня на память о тебе.

Уильям глубоко вздохнул, кивнул и вынул письмо. На нем красовалось пятно обычного свечного воска с четким оттиском пальца вместо личной печати Уильяма.

– Спасибо, – выдавил Грей. – Храни тебя Бог, сын.

Глава 94

Суть собрания

Методистская церковь представляла собой скромное деревянное здание с обычными стеклянными окнами. Она вполне могла сойти за квакерский дом для собраний, если бы не алтарь и три полотна с вышитыми крестиком изречениями из Библии на стенах. Войдя и оглядевшись, Рэйчел тихо перевела дыхание.

– Как это не будет цветов? – воскликнула вчера удивленная миссис Фигг. – Я понимаю, что все должно быть просто и скромно, но ведь цветы сотворил Бог?

– У Друзей в доме собраний нет цветов, – с улыбкой ответила Рэйчел. – Мы полагаем это язычеством и помехой для молитв. Но мы твои гости, а гости не должны указывать хозяину, что ему делать в собственном доме.

При слове «язычество» миссис Фигг прищурилась и хмыкнула, но благожелательности не утратила.

– Вот и замечательно. У его светлости в саду растут три чудесных куста роз, а в каждом дворе полно подсолнухов. И жимолости, – задумчиво добавила она.

И правда – все сажали жимолость рядом с уборной.

Учитывая пожелания квакеров, в церкви была всего одна ваза – простая стеклянная ваза – с цветами. Она стояла между двумя деревянными скамьями, выдвинутыми вперед,

и нежное благоухание жимолости и розовых махровых роз вплеталось в смолистый аромат нагретых сосновых досок и терпкий запах в целом чистых, но вспотевших людей.

Мы с Рэйчел вышли из церкви и присоединились к свите молодоженов, стоявшей в тени большой липы. Люди продолжали приходить – по одному и по двое, – многие смотрели на нас с любопытством, хотя причиной тому были не две невесты.

– Ты выходишь замуж в... этом? – сказал Хэл, увидев Дотти в ее выходном платье из светло-серого муслина с белым кружевным жабо и бантом сзади на талии.

– Ха! – Дотти выгнула светлую бровь. – Мама рассказывала мне, в чем она выходила за тебя замуж в таверне Амстердама. И какой была *твоя* первая свадьба. Бриллианты, белые кружева и церковь Святого Иакова ничуть не влияют на крепость брака, не так ли?

– Доротея, не сердит отца, – пожурил ее Дензил. – Его ноша и без того нелегка.

Хэл, покрасневший после слов Дотти, стал еще краснее и с шумом втянул в себя воздух, однако смолчал.

И Хэл, и Джон надели на свадьбу парадные мундиры и затмевали своим видом обеих невест. Жаль, что Хэл не поведет Дотти по проходу к алтарю, но он и без того чуть не задохнулся от возмущения, узнав, как будет проходить свадьба. Брат толкнул его локтем в бок, и лишь тогда Хэл выдал, что почтет за честь присутствовать на этом событии.

Джейми, наоборот, предпочел мундиру одеяние горцев. Миссис Фигг и многие другие смотрели на него широко распахнутыми глазами.

– Во имя пастыря иудейского! – ахнула миссис Фигг. – На нем шерстяная юбка? А что это за узор на ней? Аж в глазах рябит.

– На родном языке горцев эта «юбка» называется *Fèileadh beag*, – сказала я ей. – На английском ее называют «килт». А узор – шотландская клетка рода Джейми.

Миссис Фигг какое-то время смотрела на Джейми, медленно розовея, потом повернулась ко мне, открыла было рот, но ничего не сказала.

– Нет, не надел, – со смешком ответила я на незаданный вопрос.

– Его и так тепловой удар хватит, – фыркнув, заявила она. – Как и тех двоих бойцовых петухов. – Она кивнула на Джона и Хэла, потеющих в великолепных красных мундирах с золотой отделкой. Генри тоже пришел в мундире, правда, гораздо более скромном, как и подобает лейтенанту. Под руку с ним шла Мерси Вудкок, и Генри пристально посмотрел на отца, взглядом предупреждая его ничего не говорить на эту тему.

– Бедный Хэл, его дети стали для него серьезным испытанием, – шепнула я Джейми.

– А разве у других не так? – спросил Джейми. – Все хорошо, саксоночка? Ты бледная. Может, присядешь?

– Нет, я хорошо себя чувствую. А бледная из-за месяца взаперти. Славно побыть на свежем воздухе.

Я опиралась на трость и на Джейми, но чувствовала себя довольно неплохо, невзирая на шов на боку. Я наслаждалась движением, а еще тем, что в такую жару можно не надевать корсет и нижние юбки. А ведь будет еще жарче: в ожидании церемонии гости тесно расселись на скамьях. Разумеется, сюда явилась и паства преподобного Фигга – ведь это их церковь; скамьи ломились от людей.

В церкви не было колокола, но колокола церкви Святого Петра, находившейся в нескольких кварталах отсюда, пробили час. Я, Джейми и братья Грей вошли в церковь и заняли свои места. Воздух гудел от любопытных перешептываний – по большей части обсуждались английские мундиры и килт Джейми. Мой муж и Грей в знак уважения к церемонии Друзей оставили мечи дома.

Вошел Йен, и удивленные перешептывания стали громче. Он был в новой белой рубашке из ситца с узором в виде синих и пурпурных тюльпанов, в штанах из оленьей кожи, набедренной повязке и мокасинах. На руке у него красовался браслет-вампум с синими и белыми раковинами, который для него сделала могоавкская жена, Работающая руками.

– А это, конечно же, свидетель, – шепнул Джон Хэлу – по пятам за Йеном вышагивал Ролло, не обращая внимания на перешептывающихся при виде него людей.

Йен спокойно сел на одну из двух скамей, стоящих перед

остальными и развернутых к гостям. Ролло пристроился у ног хозяина, почесался и улегся, тяжело дыша и обводя толпу ленивым взглядом, будто оценивая, годятся ли они в пищу.

Вошел Дензил. Слегка бледный, он, однако, уверенно дошел до скамьи и сел рядом с Йеном. Он улыбнулся присутствующим, и многие из них в ответ зашептались и улыбнулись ему. Денни надел один из двух своих лучших костюмов: из темно-синего добротного сукна, с оловянными пуговицами. И пусть Денни был ниже и не так колоритно выглядел, как Йен, он все равно не терялся на фоне экстравагантного будущего зятя.

– Тебе плохо, малышка? – спросил Джейми Рэйчел – она и Догги вошли, но остановились у стены. Белая, как полотно, Рэйчел вцепилась в юбку, однако глаза ее сияли. Смотрела она на Йена, который тоже глядел только на нее, взглядом выражая всю силу своей любви к ней.

– Нет, – прошептала Рэйчел. – Пойдем, Догги.

Взявшись за руки, девушки подошли к другой скамье и сели. Догги размянулась и высоко держала голову. Рэйчел положила руки на колени и смотрела на Йена. Джейми слабо вздохнул и расслабился. Сидевшая рядом с ним Дженни выглянула из-за брата и удовлетворенно улыбнулась – это она сшила платье для Рэйчел: после нескольких месяцев, проведенных в чрезвычайных обстоятельствах, у Рэйчел не осталось целой одежды. И хотя Дженни одевалась скромно, она

разбиралась в декольте. Светло-зеленое ситцевое платье с узором из маленьких темно-зеленых гроздьев винограда сидело на Рэйчел как перчатка. Ее темно-каштановые волосы свободно спадали на плечи, большие карие глаза были широко распахнуты – Рэйчел казалась обитательницей леса, дриадой.

Я хотела было поделиться этим наблюдением с Джейми, но в церковь вошел преподобный Фигг. Он дошел до алтаря, повернулся к пастве и улыбнулся.

– Благословенны будьте, братья и сестры!

– Благословен будь, брат! – раздалось ответное пожелание собравшихся.

Кто-то отчетливо произнес: «Аминь!»

– Итак. – Преподобный окинул взглядом Йена, Денни и девушек и вновь посмотрел на паству. – Мы собрались здесь сегодня для проведения свадебной церемонии. Однако эти леди и джентльмены принадлежат к сообществу Друзей, так что это свадьба квакеров. Она, скорее всего, будет немного отличаться от того, что вы видели раньше, и я возьму на себя смелость рассказать вам, как она проходит.

Преподобный поднял руку, унимая заинтересованные перешептывания. Мистер Фигг был невысок и одет в черный костюм с белым воротничком, однако обладал невероятным обаянием, и каждое ухо сосредоточенно внимало его объяснениям.

– Мы имеем честь проводить у себя это собрание – так

Друзья называют свое богослужение. И свадьба для них является обыденной частью собрания. На ней не присутствуют ни священник, ни пастор; когда женщина и мужчина решают связать свои судьбы, они просто... становятся супругами.

По церкви поползли удивленные шепотки с оттенком осуждения, и щеки Дотти покраснели еще сильнее. Мистер Фигг улыбнулся девушкам и снова повернулся к пастве.

– Быть может, один из присутствующих здесь квакеров расскажет нам немного больше об их собрании, поскольку я уверен, что об этом они знают лучше меня. – Он повернулся к Дензилу Хантеру, однако встала Рэйчел. Мистер Фигг не видел ее и потому удивился, когда она заговорила за его спиной. Все засмеялись.

– Доброе утро, – негромко, но отчетливо произнесла девушка, когда смех стих. – Благодарю вас за то, что вы пришли. Христос говорил: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»⁸. Вот и весь смысл собрания Друзей – чтобы Христос появился среди нас – и в нас. И мы собираемся, и слушаем – друг друга и свет в наших душах. Когда душа побуждает кого-либо говорить, он или она говорят.

– Или поют, если им кажется, что так нужно, – вмешалась Дотти, улыбнувшись Джону.

– Или поют, – с улыбкой согласилась Рэйчел. – Однако мы не боимся и тишины, ведь нередко Бог говорит громче в

⁸ Евангелие от Матфея, 18:20.

наших сердцах. – И Рэйчел с достоинством села.

Оживление и удивление собравшихся вскоре ожидаемо сменились тишиной. Встал Денни.

– Мне хочется сказать, как я благодарен вам за доброжелательный прием. Ведь я и моя сестра были изгнаны из собрания за мое намерение присоединиться к Континентальной армии. По этой же самой причине нас не ждут на филладельфийском собрании. – Блеснув очками, он посмотрел на Рэйчел. – Для Друга это тяжело. Ведь наше собрание там, где обретается наше тело и душа, и когда Друзья женятся, все их собрание должно это одобрить и поддержать их. Я лишил мою сестру этого одобрения и поддержки, и я прошу у нее прощения за это.

Рэйчел неженственно фыркнула.

– Ты поступил по совести, и если бы я сочла, что ты не прав, то так бы и сказала.

– Моя обязанность – заботиться о тебе!

– И ты обо мне позаботился! Разве я недоедаю? Или хожу без одежды?

Собравшиеся захихикали, но Хантеры этого не заметили.

– Я лишил тебя дома и собрания, которое заботилось о тебе, и принудил следовать за собой в мир насилия, в армию, где полно жестоких мужчин.

– Полагаю, это относится ко мне, – откашлявшись, заявил Йен и посмотрел на потрясенную миссис Фигг и на остальных людей, увлеченно внимающих происходящему. –

Вы знаете, что я не принадлежу к Друзьям. Я горец и могавк, а они куда как жестоки. По справедливости я не должен жениться на Рэйчел, а ее брат не должен позволять ей выходить за меня замуж.

– Посмотрела бы я, как бы он попробовал запретить мне это! – заявила очень прямо сидящая на скамье Рэйчел, сжав в кулаки покоящиеся на коленях руки. – Или ты, Йен Мюррей!

Дотти явно забавлялась их перепалкой – я видела, как она едва сдерживает смех. Такое же выражение отражало лицо Хэла.

– Но ведь это из-за меня ты не можешь выйти замуж как должно, на квакерском собрании, – возразил Йен.

– Из-за меня тоже, – поморщившись, сказал Денни.

– *Mea culpa, tua culpa, tua maxima culpa*⁹, – пробормотал мне на ухо Джейми. – Как ты думаешь, стоит ли мне заявить, что я был плохим примером Йену и это по моей вине он остался с индейцами?

– Только если у тебя к этому лежит душа, – ответила я, не отводя глаз от происходящего впереди. – Лично я посоветовала бы тебе и твоей душе держаться от этого подальше.

Миссис Фигг не была склонна держаться подальше. Она громко откашлялась и сказала:

– Прошу прощения за то, что вмешиваюсь, но насколько

⁹ «Моя вина, моя вина, моя величайшая вина» (лат.) – формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков.

я поняла, вы, Друзья, считаете женщин равными мужчинам?
– Так и есть, – вместе ответили Рэйчел и Дотти, и все засмеялись.

Миссис Фигг побагровела, будто созревшая темная слива, но не утратила присутствия духа.

– Тогда если эти леди хотят выйти замуж за вас, джентльмены, то почему вы стараетесь отговорить их? Быть может, у вас есть какие-то тайные причины для этого?

Присутствующие здесь женщины одобрительно зашептались, а Денни, до сих пор стоявший, с трудом сохранял спокойствие.

– А половой член у него есть? Ведь без него нельзя жениться, – шепнул кто-то позади меня с отчетливым французским акцентом. Хихикнула Марсали. Я вспомнила нестандартную свадьбу Фергуса и Марсали на карибском берегу и прижала к губам кружевной платок, пытаясь заглушить хихиканье. Джейми трясся от едва сдерживаемого смеха.

– У меня и правда есть причины отговаривать ее, – глубоко вздохнув, признался Денни и поспешно добавил, глянув на Дотти: – Но это не связано с моим желанием жениться на Доротее или моими честными намерениями в отношении нее. Мои причины – а, возможно, и Друга Йена тоже, хотя мне не стоит говорить за него, – совершенно в другом. В общем, я... мы, быть может – чувствуем, что должны рассказать о наших ошибках и недостатках как... как мужей. – Денни в первый раз покраснел. – Чтобы Доротее и Рэйчел

могли... прийти к соответствующему... э-э...

– Чтобы они знали, на что идут? – закончила за него миссис Фигг. – Достойное намерение, доктор Хантер...

– Друг, – пробормотал Денни.

– Друг Хантер, – закатив глаза, сказала она. – Но вот что я вам скажу. Во-первых, ваша юная леди, быть может, знает о вас больше, чем вы думаете. – Многие при этих словах засмеялись. – Во-вторых, скажу вам как женщина с некоторым опытом – никто не знает, что его ждет в семейной жизни, пока не вступит в брак. – Под одобрительный гул голосов миссис Фигг опустила на скамью, давая понять, что сказала все.

В левой части церкви несколько мужчин принялись переглядываться и ерзать. Они пришли сюда с женами, но те сели с правой стороны. Я решила, что это, наверное, квакеры, хотя одеждой они не отличались от других рабочих и торговцев паствы. Мужчины пришли к некоему молчаливому согласию, и один из них встал.

– Меня зовут Уильям Шпрокет, – представился он и кашлянул. – Мы пришли поддержать Друга Хантера, потому что мы тоже Друзья, поступившие так, как подсказала нам наша совесть. Мы поддержали восстание и поступали так, как Друзья обычно не поступают. И в результате нас... исключили.

Он умолк и нахмурился, по-видимому, не зная, как высказать свою мысль. Маленькая женщина в желтом платье

поднялась и отчетливо сказала:

– Мой муж хочет сказать, Друзья, что мужчина, который не поступает так, как советует ему его внутренний свет, не может считаться мужчиной. И хотя поступающий по совести мужчина иной раз может причинять беспокойство, это не делает его плохим мужем. – Она улыбнулась Шпрокету и села.

– Да, – с благодарностью в голосе согласился Шпрокет. – Как сказала моя жена, участие в битве не делает нас непригодными к браку. Так что все мы, – он широким жестом указал на своих спутников и жен, сидевших через проход, – пришли, чтобы одобрить и засвидетельствовать твой брак, Друг Хантер.

– А мы поддерживаем твое замужество, Доротея, – кивнув, добавила миссис Шпрокет. – И твое, Рэйчел.

– Спасибо вам, Друзья, – сказал Денни, который все это время продолжал стоять. Затем он резко сел, и Шпрокет чуть медленней последовал его примеру.

Воцарилась тишина, лишь с улицы доносился едва слышимый шум. Кто-то покашливал, но в основном все молчали. Джейми накрыл ладонью мою руку, и наши пальцы переплелись. Кончиками пальцев я ощущала его пульс, плотные костяшки и фаланги. Это была его правая рука, искалеченная и отмеченная шрамами от добровольной жертвы и труда. Отмеченная знаками моей любви – и грубой починки, сделанной в боли и отчаянии.

«Кровь от крови моей, кость от кости...»

Интересно, когда несчастливые в браке люди наблюдают свадьбу, вспоминают ли они свое собственное бракосочетание? Потому что те, кто счастлив в браке, его вспоминают. Дженни склонила голову, ее лицо было отрешенным, но безмятежным. Думала ли она сейчас о Йене и своей свадьбе? Так и есть: она слегка склонила голову набок, коснулась рукой скамьи и улыбнулась воспоминанию, сидевшему рядом с ней.

Впереди, чуть в стороне сидели Хэл и Джон. На их лицах тоже промелькнуло что-то такое, похожее, и вместе с тем другое. Они оба были женаты дважды.

Я испытала некоторое потрясение, вспомнив, что вообще-то вторым браком Джон сочетался со мной. Сейчас он выглядел чужим, а наше краткое супружество казалось таким давним, почти ненастоящим. А еще... еще был Фрэнк.

Фрэнк. Джон. Джейми. Искренних намерений не всегда бывает достаточно. Я посмотрела на женихов и невест, сидящих впереди на скамьях. Они не смотрели друг на друга, их взгляды были устремлены на сложенные на коленях руки или пол, кое-кто и вовсе закрыл глаза. Возможно, они осмысливали то, что им сказала миссис Фигг: брак заключается не в ритуале и словах, а в том, чтобы жить вместе.

Денни встал и протянул руку Дотти. Она поднялась, как зачарованная, и, подойдя, взяла его руки в свои.

– Доротея, ты ясно ощущаешь суть собрания? – тихо спросил он и, дождавшись ее кивка, продолжил: – Перед лицом

Бога и этих Друзей я беру тебя, Доротея, в жены. Клянусь, с Божьей помощью, быть любящим и верным мужем, пока смерть не разлучит нас.

Просияв, она ответила низким, но хорошо различимым голосом:

– Перед лицом Бога и этих Друзей я беру тебя, Дензил, в мужья. Клянусь, с Божьей помощью, быть любящей и верной женой, пока смерть не разлучит нас.

Хэл затаил дыхание – это прозвучало как вскрик, и тут же все разразилось рукоплесканиями. Денни удивился, но потом широко улыбнулся и повел Дотти по проходу в конец церкви. Они сели на последнюю скамью, тесно прижавшись друг к другу.

Люди шептались, вздыхали и улыбались; церковь постепенно затихала – однако не до прежнего задумчивого молчания. В воздухе витало нетерпение, приправленное волнением – все взгляды были устремлены на Йена и Рэйчел, которые смотрели не друг на друга, а на пол.

Йен шумно выдохнул, поднял голову и, вынув нож, положил его на скамью.

– Что ж... Рэйчел знает, что я уже был женат на женщине из племени каньен'кехака, принадлежавшей к клану Волка. Бракосочетание могавков не слишком сильно отличается от того, как вступают в брак Друзья. Мы с ней сидели напротив людей ее племени и наших родителей – видите ли, индейцы меня усыновили. Все говорили о том, что знали о нас, о том,

что у нас добрый нрав. Ну, это они так полагали, – сконфуженно добавил Йен. В ответ на его признание раздался взрыв смеха.

У девушки, на которой я женился, на коленях стояла корзина с фруктами, овощами и прочей едой. Она сказала, что обещает кормить меня и заботиться обо мне. А я... – Йен сглотнул и положил руку на нож. – У меня был нож, лук и несколько шкур выдры, которые я снял собственными руками. Я пообещал охотиться и дарить ей меха, чтобы согреть ее. И люди сказали, что мы можем пожениться, и мы... стали мужем и женой. – Он помолчал, кусая губы, потом продолжил: – Но у моговков пары создаются не на всю жизнь. Двое остаются вместе, пока того хочет женщина. Моя жена решила расстаться со мной – не потому, что я бил ее или дурно с ней обращался, нет, причина была в другом. – Йен откашлялся и тронул браслет-вампум. – Мою жену звали Вакьотейеснонша, что означает «Работающая руками», она сделала для меня этот браслет, в знак своей любви. – Длинные загорелые пальцы потеревали нити, и полоска переплетенных ракушек соскользнула с руки. – Теперь я оставляю его в качестве свидетельства того, что пришел сюда свободным и мои жизнь и сердце снова принадлежат мне. Я надеюсь, что теперь я смогу вручить их навсегда.

Браслет из синих и белых ракушек с тихим бряканьем лег на скамью. Йен на миг задержал на нем руку.

Хэл дышал ровно, но сипло. Рядом раздался хриплый

вздых Джейми.

В неподвижном воздухе, будто привидения, витали сочувствие, растроганность, сомнение, понимание... Ролло тихо рыкнул и умолк, настороженно обводя людей желтыми внимательными глазами.

Мы ждали. Рука Джейми дрогнула в моей, и я посмотрела на него. Он, поджав губы, внимательно смотрел на Йена. Я знала, что ему хотелось подняться и высказаться в защиту Йена, уверяя паству и Рэйчел в добродетели племянника. Джейми поймал мой взгляд, легко качнул головой и кивнул на Рэйчел. Пришла пора высказаться ей – если она, конечно, захочет.

Бледная и неподвижная, словно каменное изваяние, Рэйчел горящими глазами смотрела на Йена. И молчала. Она не двигалась, но некое движение происходило в ней – это было ясно по меняющемуся выражению ее лица, по тому, как решительно она вдруг расправила плечи. Она прислушивалась к себе.

Мы тоже. И тишина медленно наполнялась светом.

Раздался какой-то слабый звук, и люди, вздрогнув, заозирались. В открытое окно влетела колибри и зависла, трепеща крыльями, у скамей невесты и жениха. Затем крошечное ало-зеленое создание подлетело к розовым соцветиям жимолости.

Все вздохнули, и суть собрания разъяснилась. Йен встал, и Рэйчел пошла к нему навстречу.

Кода в размере на три вторых

Дензил и Доротея

Это был лучший званый вечер в жизни Доротеи Жаклин Бенедикты Грей. Ей доводилось танцевать с эрлами и виконтами в лучших залах Лондона, есть невероятные кушанья – позолоченных павлинов и начиненных креветками форелей, плавающих по желейному морю с вырезанным изо льда Три-тоном, воздевшим над ними свое копьё. А платья на Доротее были такие великолепные, что мужчины оторопело хлопали глазами при виде нее.

Однако ее муж не таков. Он пристально смотрел на нее сквозь очки в стальной оправе, и Доротее казалось, что она ощущает его взгляд кожей через всю комнату и вот-вот разлетится от счастья на мелкие частицы, рассеется по всему бару таверны «Белый верблюд». Вряд ли кто-нибудь заметит это – в зале много людей. Они пили, разговаривали, пили, пели и опять пили, словно у них был запасной желчный пузырь или почки.

Возможно, никто также не заметит, как двое незаметно сбегут с этой замечательной вечеринки.

Дотти с трудом пробралась сквозь толпу доброжелателей к Дензилу, он взял ее за руку, и миг спустя они оказались снаружи, под ночным небом. Стоя в тени соседствующей с таверной Анабаптистской молельни, они, как безумные, смеялись и целовались.

– Может, пойдем домой, Доротея? – спросил Денни, переводя дыхание. – Ты... готова?

Дотти сильнее прижалась к Денни, поправила ему очки и с удовольствием вдохнула исходящий от него запах мыла, крахмаленного белья и его собственной кожи.

– Мы теперь по-настоящему женаты? Я твоя жена?

– Да. Ты моя жена. А я твой муж.

Он хотел произнести это торжественно, но помешала радостная улыбка. Дотти рассмеялась.

– Мы не клялись стать «единой плотью», но, как по-твоему, это подразумевается? В целом? – спросила Дотти, отступая от Дензила, но не выпуская его руку.

Денни поправил очки, пристально посмотрел на Дотти сияющими глазами и одним пальцем коснулся ее груди.

– Я рассчитываю на это, Доротея.

Она уже бывала в его комнате. Поначалу как гостья, по-

том как помощница – чтобы взять корзинку с перевязочным материалом и мазями и после сопровождать Денни на вызовы. Сейчас все было иначе.

Перед уходом Денни распахнул окна, невзирая на летающих насекомых и запахи из мясной лавки, находившейся дальше по улице. На втором этаже было душно после дневной жары – но сейчас с улицы веяло прохладой, воздух стал как теплое молоко, а мясные запахи перебивал ночной аромат садов Бингэм-Хаус, находившихся в двух улицах отсюда.

Все следы профессиональной деятельности Денни исчезли, и свеча, которую он зажег, мягко освещала просто обставленную, но уютную комнату: камин, рядом два небольших кресла с подголовниками, между ними столик с книгой. В дверном проеме соседней комнаты виднелась так и манившая прилечь кровать с покрывалом и пухлыми белыми подушками.

Кровь по-прежнему бурлила, хотя Дотти пила очень мало. Однако она испытывала необъяснимую робость и остановилась у двери, будто ожидая приглашения войти. Денни зажег еще две свечи и, обернувшись, заметил ее колебания.

– Иди сюда, – тихо сказал он и протянул руку. Дотти подошла.

Они целовались, их руки медленно блуждали по телам, постепенно освобождая их от одежды. Рука Дотти случайно скользнула вниз и задела выпуклость под его брюками. Денни затаил дыхание и собрался было что-то сказать, но Дотти

его опередила.

– Единая плоть, – напомнила она, улыбаясь, и сильнее прижала руку. – Я хочу увидеть твою.

– Ты уже видела подобное раньше, – сказал Денни. – Я знаю это. Во-первых, у тебя есть братья. Во-вторых, когда лечила раненых мужчин...

Он лежал на кровати, обнаженный. Нагая Дотти лежала рядом, лаская предмет обсуждения, который был невероятно рад подобному вниманию. Пальцы Денни скользили по волосам Дотти, играли мочкой уха.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я делала что-то подобное с кем-либо из моих братьев? – спросила она, с удовольствием вдыхая его запах. – А с ранеными не до разглядываний.

Денни откашлялся и слегка потянулся.

– Полагаю, теперь моя очередь разглядывать твою плоть. Если ты хочешь, чтобы я был в состоянии сделать тебя сегодня своей женой.

Дотти удивленно посмотрела на его член, потом на себя.

– Что ты имеешь в виду? Почему ты можешь оказаться неспособен на это?

Денни – он выглядел таким молодым без очков – с довольным видом встал и, сияя белыми ягодицами, ушел в соседнюю комнату. К удивлению Дотти, он вернулся с книгой, ко-

торуую она видела на столике. В ней оказалось много закладок, и когда Дотти взяла ее в руки, книга раскрылась на странице с изображением обнаженного мужчины в разрезе и его интимного места в различных степенях возбуждения.

Дотти недоверчиво посмотрела на Денни.

– Я думал... Ты девственница, и я не хочу, чтобы ты испугалась или оказалась неподготовленной к тому, что должно произойти, – сказал Денни и покраснел.

подавив желание засмеяться, Дотти осторожно закрыла книгу и взяла лицо Денни в ладони.

– Ты тоже девственник?

Денни покраснел еще сильнее, но глаз не отвел.

– Да. Но я точно знаю, что и как нужно делать. Я ведь доктор.

Дотти все-таки рассмеялась – точнее, захихикала, тихо и полупридушенно. Это оказалось заразительно, и вскоре они уже лежали в объятиях друг друга и содрогались от смеха, повторяя «Я ведь доктор».

Наконец смех стих. Дотти, тяжело дыша, лежала под Денни; оба вспотели. Она коснулась его груди, курчавых, топорщащихся волосков, вызвав на его коже мурашки. Дотти дрожала, но не от страха или смеха.

– Ты готова? – шепнул он.

– Единая плоть, – шепнула она в ответ.

И они стали единой плотью.

Свечи почти догорели, тени медленно двигались на стене.

– Доротея!

– Потихе, пожалуйста, – попросила она, на секунду освободив рот. – Я никогда раньше такое не делала. Не отвлекай меня, ладно? – И она продолжила свои волнующие действия.

Денни застонал, не в силах сдерживаться, и нежно положил руки на ее голову.

– Ты знаешь, что это называется фелляция? – прервавшись на вздох, спросила Дотти.

– Знаю. Как ты... я хочу сказать... ох, о боже!

– Что ты сказал? – Дотти подняла к нему лицо. Даже в угасающем свете свечей было видно, как она разругалась, а ее губы стали такими красными и влажными...

– Я сказал «о боже».

Дотти счастливо улыбнулась и крепче сжала его член. Денни содрогнулся.

– Хорошо. – Она торжествующе хихикнула и, наклонившись, прикусила его плоть белыми острыми зубками.

Йен и Рэйчел

Йен с шелестом стянул с Рэйчел зеленое платье. Девушка затрясла головой, шпильки посыпались на пол, и влажные, темные волосы упали ей на плечи. Она улыбнулась Йену, а тот со смехом вынул еще несколько шпилек из ее волос.

– Думала, умру, – вздохнула Рэйчел, разбирая прическу, которую ей сделала Дженни перед вечеринкой в таверне «Белый верблюд». – Шпильки царапают голову, корсет тугой... Ты снимешь его с меня, муж мой? – Она повернулась спиной к Йену, но глядела на него через плечо со смешинками в глазах.

Йен и подумать не мог, что после слов «муж мой» полюбит и возжелает Рэйчел еще сильнее. Одной рукой он обнял ее за талию – Рэйчел пискнула, – другой развязал узел шнуровки. Затем нежно прикусил шею, и Рэйчел ахнула и забилась в его руках. Йен со смехом прижал ее сильнее и продолжил расшнуровывать корсет. Рэйчел была тоненькой, будто молодая ива, и невероятно гибкой. Она выгнулась, прижимаясь к нему, и кровь Йена будто вскипела. Не обладай он тренированной выдержкой – швырнул бы ее на кровать пря-

мо в корсете, нижней рубашке и чулках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.